



Ашира Хаан

Лавандовые
тайны

Ашира Хаан

Лавандовые тайны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68606693

SelfPub; 2024

Аннотация

Тимира – уважаемая женщина, жена первого советника императора. Забыты старые беды – даже не забыты, а превращены в нынешние победы. Любимый муж, тысячи разноцветных платьев, послушная магия, приходящая на помощь в любой ситуации. Но ее стихия не ласковый ручей, а бушующее цунами. Она больше не пишет лавандовых, но судьба ждет ее в Черной Крепости посреди пустыни.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	51
Глава 8	67
Глава 9	76
Глава 10	87
Глава 11	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Ашира Хаан
Лавандовые тайны

Глава 1

Эта гостиница, наверное, тысячная на их пути.
А может, сотая. Или пятьдесят девятая. Кто знает?

Тимира потеряла им счет еще в болотных краях. Все равно они все одинаковые.

Конечно, лучшая комната: шелковые обои – хоть и вытертые рядом с дверью и закопченные у камина; бархатные шторы – хоть и пыльные настолько, что Тимира чихнула уже с десяток раз; дубовая кровать с балдахинном – хоть и поеденная жучком. Даже ванна есть – медная, сияющая, явно начищенная к их прибытию.

Вот только окно немыто бог знает сколько. Снаружи пыльное, изнутри покрытое разводами – за ним почти не разглядеть внутренний двор. Не то чтобы там есть на что смотреть. Шевелятся какие-то темные фигуры, да и все. Это Тимира знает, что там расседлывают лошадей и выносят багаж из кареты. Чтобы назавтра занести обратно. Но иначе нельзя: вдруг понадобится новое платье госпоже или письменный прибор господину.

Тимира медленно стягивает перчатки с рук и устало роняет их на козетку перед окном. Раньше она носила их ред-

ко, только по необходимости. Но теперь положение жены советника обязывает появляться перед публикой при полном параде.

Полном – это при всех слоях магической защиты. Включая перчатки, вуаль и два килограмма амулетов на поясе, от которого уже ломит спину. Никому и в голову не придет нападать на советника или его жену, в народе их любят куда больше императора, но протокол нарушать нельзя.

Да советник и не смог бы. Не такой он человек.

– Расскажи мне еще раз, почему мы не могли облететь все эти крепости на драконах? – просит Тимира, услышав, как открывается дверь в комнату. Шаги мужа она узнает всегда и везде.

– Потому что драконы нужны армии. Это слишком ценный ресурс, чтобы тратить их силы на рутинную проверку. Ты устала? Спустишься на ужин или приказать подать сюда?

Тойво обнимает ее за плечи, и Тимира откидывает голову ему на грудь. От него веет спокойствием и теплом – как всегда. Он приглушает, умиряет ее взрывной нрав, сглаживает углы – держит в рамках. Его огонь – это пламя очага. Ее вода – это бешеное цунами. Непривычные роли; вот у Иржи, его брата, – там да, там бушующее пламя пожара. Впрочем, воз-

можно, за прошедшие с их последней встречи годы он изменился.

– Вообще не буду есть, ужинай без меня. Душу растрясло по ухабам, тошнит, – жалуется она. – Ты ведь доложишь императору о состоянии местных дорог?

– Мое дело – военные крепости, – с усмешкой отвечает Тойво. – За дороги отвечает другой человек. Как и за сельское хозяйство, лесные угодья, вежливость крестьян и все остальное, чем ты была недовольна в пути. Я не вселил.

– Можно было бы совместить. Заодно дракона бы дали! – капризно говорит Тимира и разворачивается к нему лицом. – И конечно ты вселил! Иначе зачем я выходила за тебя замуж? Мне и сам император намеки делал.

Императору далеко за семьдесят, и его «намеки» – куртуазные привычки старой гвардии, так что Тойво лишь смеется. А потом обнимает жену и нежно целует в самую серединку губ, сложенных бантиком.

– Скоро южные рубежи, дорогая. Там с дорогами будет полегче.

Тимира чувствует себя виноватой за свое раздражение. Ее дело – улыбаться и поддерживать его. Именно у него

самая сложная работа: проверки, договоры, укрепление магической защиты. Он должен возвращаться к жене и восполнять силы рядом с ней, а не выслушивать ее нытье про неустроенный быт.

Но полгода в дороге вымотают нервы даже чистому ангелу.

Тимира совсем не ангел. Тойво знал об этом с самого начала, с момента, как стал получать ее письма, пропитанные ядом и ненавистью. Нет, даже раньше, намного раньше – когда она кричала, как ненавидит его за убийство ее отца, а за ее спиной в высоких залах Экзаменациума вставала яростная волна.

– Точно не хочешь поесть? – спрашивает Тойво, отходя и стаскивая мундир. – На первом этаже аппетитно пахнет, есть надежда, что здесь умеют готовить.

– Точно. – Тимира отходит от окна и бросает молниеносный взгляд на медную ванную, которая начинает наполняться сама по себе. – Согрей мне воду, пожалуйста.

– Хорошо, – кивает муж, и над ванной начинает подниматься легкий парок. – Принесу тебе пару яблок, на случай если передумаешь.

– Спасибо.

Тимира поворачивается к нему спиной, и Тойво отводит в сторону ее волосы, чтобы расстегнуть длинный ряд крючков на платье. Их маленький ритуал, понимание друг друга без слов.

– Через неделю будем в Черной Крепости – главном фронтире южных рубежей, – небрежно говорит он, помогая спустить тяжелое лавандовое платье с плеч.

– Хорошо. – Тимира реагирует равнодушно.

Черная Крепость, Южный Заслон, Драконье Гнездо – когда-то она выучила весь бесконечный список приграничных фортов, которые им предстояло посетить во время традиционного рейда советника после вступления в должность. За долгие месяцы путешествия они все перепутались у нее в голове.

Осталось воспоминание только о Зябликовом Яблоке – смешной башне на границе леса и болота, где жили исключительно женщины. Она упросила Тойво провести там неделю и с удовольствием отдохнула душой, коротая вечера за болтовней и сплетнями о столичных знаменитостях. Заодно

оставила там половину своего гардероба: мятежные магички соскучились по модным платьям.

Тойво, кажется, ждал от нее другой реакции. Он постоял, глядя на то, как Тимира выбирается из платья и заходит в ванну в тонкой сиреневой сорочке, выдержал долгую паузу, но ушел, так больше ничего не сказав.

Глава 2

Утро Тимиры, как обычно, начинается с писем.

Они догоняют обоз советника каждый день – лучшие курьеры империи везут самые срочные, курьеры попроще доставляют личную почту. Специальный человек проверяет все, что адресовано Тойво и Тимире, на предмет магического вреда, другой специальный человек сортирует разноцветные конверты, помечая неотложные вести и послания от близких. Белые складываются в отдельный сундук: до них дело дойдет, когда будет свободное время.

Все равно остается так много, что мальчишка-слуга сгибается под тяжестью подноса, который ставит на стол в комнате. Золотые письма императора приносят отдельно – на специальном блюде с гербом.

С тех пор как Тимира стала женой первого советника, писем у нее много. Старые подруги, родственники, одноклассницы, дети друзей родителей, сами друзья родителей, все, кого она встречала хоть раз в жизни, – все считают своим долгом время от времени написать ей, чтобы спросить, как дела, напомнить о себе и о чем-нибудь попросить. От вороха конвертов пахнет старомодными духами для бумаги, а оттенки магических писем сливаются в неопрятно-грязное пятно.

Иногда она наугад берет какой-нибудь конверт и читает

надоевшие ей витиеватые строчки восхвалений и лживой заботы. И дело даже не в том, что люди начинают искать выгоду в отношениях с тобой, когда встаешь выше по социальной лестнице. А в том, что даже те, кто не ищет, ощущают себя все более неловко рядом. Будто ты стала другим человеком, и к этому человеку надо относиться с осторожностью, как к ядовитой змее или раздувшейся дохлой жабе.

Тойво на этот счет куда спокойнее. Он принимает людей такими, какие они есть, и бесконечно терпелив и мягок с ними. Даже самые странные начинают доверять ему буквально через пять минут разговора. Неудивительно, что его любят едва ли не сильнее императора.

Долго, очень долго Тимира ждала писем от своих бывших соседей по ссылке. В Ильядауме остались ее коллеги, и она надеялась, что их переписка не прервется. Но ей ни разу не написала даже Гельта, а ведь она была уверена, что с магичкой они останутся подругами. Насколько можно быть подругами при явном запрете на общение ссыльных магов.

Но для Ильядаума она перестала существовать, едва успешно сдала экзамен. Тимира не сомневалась, что там внимательно следили за всей историей с ее наказанием и реабилитацией, с возвращением прав Тойво и скандалом с Иржи. Но никак это не показывали.

Сегодня она берет с подноса бледно-зеленое письмо оттенка неспелого крыжовника. Имя на нем кажется ей незнакомым, но в первых же строках выясняется, что отправи-

тельница его – дальняя родственница Тимиры, дочь двоюродной сестры ее матери, которая к тому же вышла замуж и сменила фамилию. На удивление, в отличие от других родственников, которые после первых поздравлений и прославлений жены советника бодро переходили к просьбам, незнакомая Тимире троюродная сестра Илиша Армо сама предлагает помощь.

«Мне известно, что жены важных людей зачастую чувствуют себя одиноко, так как их мужья слишком заняты, чтобы уделять им внимание, да и проблемы могут оказаться чересчур деликатного свойства, чтобы делиться ими с женами других советников...» – пишет она.

Тимира кивает сама себе. Все это правда. Кроме того, другие советники ближе по возрасту к императору, чем Тойво, вот и жены их тоже – старые скрюченные гарпии, следящие завистливыми злыми взглядами за ней на любом приеме и балу, где она пользуется неизменным успехом.

«Потому предлагаю тебе обращаться ко мне за любой помощью, даже если хочется просто пожаловаться на дождь или дурной сон. Даже если потребуется скрыться после участия в государственном перевороте... Это, конечно, шутка, господин императорский цензор!»

Письма к Тимире не должны проходить цензуру, такие вот у нее привилегии, но она все равно улыбается. Может быть, и стоит ответить на это письмо, но...

– Госпожа! К завтраку все готово! – Голос фрейлины Ар-

мины, громоподобный стук в дверь и ее же скрип при открытии раздаются одновременно.

Фрейлин Тимира меняла уже четыре раза, но всегда среди них есть одна вот такая: бесцеремонная, громкая и необъятных размеров. Наверное, это какой-нибудь древний закон – чтобы жены советников не скучали.

Армина ахает, застав Тимиру в ночном халате, засучивает рукава – и мысль ответить на письмо забывается за суетой. Госпожу нужно одеть, причесать, выбрать ей украшения, запудрить слишком загорелые щеки и подкрасить слишком бледные губы. Столько дел у Армины, столько дел!

Зато к традиционному завтраку Тимира выходит в нежно-розовом платье, укрытом поверх кружевным фартуком. Оно кажется немного старомодным, но только тем, кто не следит за стилем императрицы. Пусть и ходят слухи, что та впадает в маразм и приказывает шить платья тех времен, когда была молода и прекрасна, но все же именно на ее наряды смотрят все модницы столицы. А значит – возвращаются и кружевные фартуки, таков закон.

За накрытом в маленьком зеленом палисаднике столом уже сидят Тайша и Гиния, другие сопровождающие Тимиру фрейлины. Они сонно зевают и вид имеют весьма потрепанный. Опять всю ночь где-то шлялись – то ли по местным ночным салонам, то ли по спальням самых красивых парней города. Их уже неделю назад предупредили, что скоро придется ехать по малонаселенным краям, где не будет кондитер-

ских и модных магазинов, и они старательно брали от жизни все в каждом более-менее крупном населенном пункте.

Тимира так и не сумела найти с ними общий язык, но по правилам этикета на людях они вчетвером должны были изображать теплые приятельские отношения.

Утреннее и вечернее чаепития входили в договор о ненападении. Тимира не мешает девушкам развлекаться, они не пытаются дружить с ней вне оговоренных рамок. Пару часов в день можно и потерпеть.

– Вы слышали, мы едем в Черную Крепость! – тут же радостно сообщает всем Тайша.

По сплетням главная она – точнее, по темам для бесед, но это неизбежно скатывается в сплетни.

Гиния, отвечающая за хозяйство, разливает по тонкостенным чашкам с рисунком в виде пышных кистей сирени бледный золотистый чай. При дворе считается, что этот напиток излишне стимулирует умственную деятельность, что совсем лишнее для дам – они от этого чахнут и грустят.

Армина с чувством выполненного долга садится на свое место и отпивает глоток воды с лимоном и имбирем, которую заказывает каждое утро. Говорят, этот рецепт помогает похудеть, ничего больше не делая. Но пока безуспешно.

– Не вижу повода для счастья, – кривится она то ли от кислоты лимона, то ли от радостного тона Тайши. – Черная Крепость стоит посреди пустыни, и балы там вряд ли устраивают.

– Зато там штаб командующего южных рубежей! – продолжает лучиться счастьем Тайша.

– То есть сплошные солдафоны на каждом шагу вместо приличных мужчин... – Гиния отставляет чайник и наконец садится, раскладывая вышитую салфетку на коленях. У нее единственной с утра есть аппетит, поэтому понемногу ваза с пирожными и тарелка с тонко нарезанными сэндвичами передвигаются в ее часть стола.

– Ну что вы! Не слышали? – удивляется Тайша. – Этот командующий – молодой и дерзкий красавец! Говорят, не пропускает ни одной юбки и еще никто не жаловался, уходя с утра из его спальни!

– Да много ли там юбок, на рубежах-то? – говорит Гиния.

– Вот мы, например, будем! – хлопает в ладоши Тайша. – И уж я-то его не упущу!

Тимира, молчаливо пьющая свой чай, улыбается. Почти незаметно, чтобы не стать объектом настойчивых расспросов. Она уже была знакома с одним молодым и дерзким военным, который никогда не пропускал ни одной юбки. И, ей-богу, она понимала, почему никто на него не жаловался. Но он должен быть в противоположном конце страны. Так что это не Иржи.

Тимира ждала, что он приедет на их с Тойво свадьбу: как можно пропустить момент, когда твой брат обретает любовь на всю жизнь? И заодно повод вырваться из казарменной жизни и закрутить десяток романов за пять дней, благо, в

императорском дворце никогда не было недостатка в красивых девушках.

Но, увы, накануне торжества, прямо в последнюю ночь, гонец принес темно-серый конверт с весьма многословными извинениями: дескать, Иржи буквально неделю назад упал с дракона и сломал ногу, поэтому никак не может почтить своим вниманием такое торжество... ну и так далее, три страницы самых изысканных расшаркиваний, написанных явно чужим почерком. У дикого брата Тойво не хватило бы терпения выписывать все эти вензеля самостоятельно.

«Разве на северных рубежах есть драконы?» – удивилась тогда Тимира. Говорят, эти твари не любят холод, становятся медлительными и злыми.

«Нет», – коротко ответил Тойво, аккуратно складывая обрывки письма в пепельницу и поджигая их щелчком пальцев.

Кстати, Тимира так до сих пор и не видела вживую ни одного боевого дракона.

Может быть, в Черной Крепости найдется парочка?

Они были ей куда интереснее, чем хваленый бабник, пусть даже и главнокомандующий всей южной обороной страны.

Глава 3

Край мира.

Так называется последний форпост на границе с пустыней, откуда официально начинаются южные рубежи.

На самом деле, заросшая лесами часть империи давно кончилась, и вереница экипажей уже несколько дней едет по высохшим степям, где вся зелень выжжена безжалостным летним солнцем, а земля потрескалась тысячу лет назад. Узкие, но глубокие трещины, кажется, уходят напрямик к центру земли, и редкие дожди проливаются в них, не напитывая землю.

Но если есть что выжигать – значит, что-то растет. Пусть лишь зимой или ранней весной, но деревья одеваются в свежую листву, и густая трава вырастает буквально за ночь.

Дальше, в пустыне, не будет никакой травы, даже выжженной.

Здесь – край мира. Последняя маленькая роща стройных деревьев с пятнистыми светлыми стволами. Колючие кусты с мясистыми ягодами. Напитанные водой суккуленты ярко-зеленого цвета.

Остановка здесь короткая, всего на несколько часов – пока Тойво поговорит со зрителем и обновит защитные заклипания.

Поэтому Тайша, Армина и Гиния отказываются даже выходить из экипажа. Для них там накрывают маленький столик – слуги несут кипяток, чтобы заварить чай, обитатели форпоста делятся запасами ветчины и старого выдержанного сыра. Впрочем, сыр те отсылают назад – слишком выразительный у него запах, а до Черной крепости еще ехать около полутора суток. Либо фрейлины, либо сыр, вместе они не уживутся.

Ночные переезды Тимира проводит в самой большой карете с императорским гербом. Там просторно и комфортно, но все равно ей хочется размять ноги и вдохнуть свежего воздуха, поэтому она просится вместе с Тойво на инспекцию под предлогом того, что хочет поздороваться со смотрителем.

Тойво слегка удивленно приподнимает брови. Но подает ей свой локоть, и они вдвоем входят под своды галереи, опоясывающей квадратную приземистую башню.

Это признак традиционно южной архитектуры, на севере стараются строить иначе. Там все самое важное прячут под крышу и за толстые стены. На юге нет нужды беречься от непогоды – разве что не помешала бы тень, для этого и нужна галерея. Вся жизнь кипит именно там.

Сопровождающие суетятся – надо пополнить запасы еды и воды, проверить подковы лошадей и колеса экипажей. Заодно черные военные кареты перекрашивают в белый, иначе люди в них сойдут с ума от жара солнца, пока будут ехать по

открытой местности.

Проводник, назначенный на эту часть пути, сверяет свои карты с местными. Он отменный картограф, но дворцовая наука и реальность зачастую расходятся слишком сильно.

Смотритель – седой крепкий мужчина с загорелым лицом, исполосованными тонкими старыми шрамами, с трудом сгибается в поклоне, словно старое высохшее дерево. Но Тойво нетерпеливым жестом заставляет его выпрямиться.

– Это не инспекция, друг мой, – говорит он, хотя все прекрасно понимают, что именно она. – Меня не интересует ваша верность империи и глубина почтения к чиновникам, меня интересует боеспособность вашего форпоста. Проводите меня к защитным стенам.

Магические защитные стены, сложенные из красноватого кирпича, настолько низкие, что, кажется, не могут ничего остановить. Даже пятилетний ребенок перешагнет такое препятствие, даже заяц перепрыгнет, не задумавшись, а ящерица просочится сквозь камни.

Но если присесть на корточки и нащупать на камнях в основании выпуклые знаки, можно почувствовать, как от запущенной туда капли живого огня начинает подрагивать земля. Это отзываются магическим гулом такие же стены, уходящие на много километров в стороны. Они прячутся в сухой траве, закопаны в песок или выедены ветром до полупрозрачности – это неважно. Пока по ним бежит живой огонь – они будут ждать.

И когда враг придет – языки пламени взметнутся до небес. Гудящие, голодные и очень-очень злые. Это и оборона, и атака одновременно.

«А что было бы, если бы ты был магом воды?» – спросила Тимира у Тойво, в самом начале пути в первый раз наблюдая, как он заряжает систему обороны.

«Тогда магия накрывала бы куполом атакующих. Куполом, под которым невозможно дышать».

«Неужели оборона рубежей так сильно зависит от стихии советника?»

«Конечно, нет. Это символический жест от императора. Обычно зарядку проводят смотрители и командующие. Но я достаточно силен, чтобы действительно перезарядить и стены, и маяки, и оружие, не беспокойся, милая».

«Я не беспокоюсь, я думаю, как могла бы тебе помочь».

Тойво тогда засмеялся.

«Ты помогаешь мне тем, что рядом со мной, милая», – ответил он.

«Но я сильная! Я могла бы быть полезной!»

«Теперь тебе нет необходимости быть сильной. Я обещал тебя защищать, поклялся в свои десять лет и не планирую нарушать эту клятву».

Он всегда так легко говорит о том, что случилось, когда ему было десять, а ей шесть.

Хотя это разрушило его жизнь.

Ей так больно об этом вспоминать, что она каждый раз

умолкает, сворачивая беседу. Больно не из-за того, что тогда погиб ее отец, а она узнала, как это – быть преданной.

Из-за того, что она причинила зло Тойво. Самому лучшему человеку в мире.

Спустя десять лет она тоже дала клятву.

Никогда больше не обижать его.

Пока смотритель ведет их к маякам, которые Тойво тоже заряжает, а оттуда – в комнату на вершине башни, где ждет волшебного огня древняя каменная пушка, Тимира привычным взглядом отмечает как устроено хозяйство форпоста. Что очаги вычищены, дорожки выметены, стены сухие, а встречающиеся им по пути жители Края Земли не вздрагивают при взгляде на смотрителя, а дружелюбно здороваются.

Здесь все хорошо.

Тойво это тоже видит, и его жесткая рука, на которую опирается Тимира, постепенно расслабляется. А под конец он даже сплетает свои пальцы с ее, и она чувствует, как ей передается тепло через его кожу, когда он дотрагивается до огромной, будто высеченной из песка пушки. Узоры, высеченные на ней, причудливые завитки – не только для красоты. Огонь магии, горящий внутри, пробегает по ним и заряжается еще большей силой.

– Вы отсюда ведь сразу в Черную Крепость? – интересуется смотритель.

– Возможно, – говорит Тойво, и локоть его снова напрягается.

– Вам будет удобнее устроить там штаб и уже оттуда ездить по окрестностям. Форпостов много, они разбросаны по всей пустыне. Всем обозом, да с женщинами будет тяжело объезжать по жаре. Граница там петляет, мечется зигзагами. Война шла за каждый метр песка. Проще на лошадях быстренько выезжать по холодку утром, а к обеду возвращаться в крепость.

– Я подумаю. Наверное, это разумно, – кивает Тойво. Но его локоть так и остается напряженным, Тимира это чувствует.

– Хорошая пушка, – говорит смотритель, хлопая ту по боку и проводя мозолистыми пальцами по узорам. – Когда мы с ней близко познакомились, она не огнем била, а иглами. Ядовитыми иглами.

И он указывает на свои шрамы на лице.

Тимира сначала не понимает, что он имеет в виду, пытается соотнести его слова в своей голове с историей этих мест. До Тойво доходит быстрее.

– Так вы сражались на другой стороне? – спрашивает он.

– На другой, да... – смотритель щурится в пыльное небо, уходящее к горизонту от башни. – Молодой был, не знал, что правды не существует. Только сторона, которую выбираешь. Никто из нас не знал. Стены этой башни до сих пор стонут ночами от боли, а ступени на рассвете, кажется, сочатся кровью, которой мы омыли каждую из них. Сначала вражеской, потом своей. А что толку... Пятьдесят лет прошло – и все

уже забыли, за что воевали. Неужели за пустыню?

Тимира отдергивает пальцы от холодных камней стены, за которую держалась, готовясь спускаться по ступеням вниз. На мгновение ей кажется, что они испачканы кровью. Но это просто ее бурное воображение.

– Пушка, стреляющая иглами... Это магия земли, так ведь? – спрашивает Тимира у Тойво много часов спустя, когда к утру обоз, отбивший с Края Земли, наконец останавливается на отдых.

Лошади устали, людям тоже надо отдохнуть, но они двигались в темноте, пока дорогу освещали маленькие магические фонарики, расставленные кем-то заботливым вдоль обочины каждые метров пятьдесят-сто. Они чуяли магию и откликались на нее светом. Хорошее изобретение для пустыни, где путешествовать лучше по ночам, пока прохладно.

Тойво, только что вернувшийся с обхода и уверенный, что она давно спит, поворачивается к ней, медленно расстегивая дорожный мундир. В глазах Тимиры – ни следа сна. Они блещут в свете свечи, спрятанной за мутным стеклышком ручного фонаря, который он принес в императорскую карету.

– Да, это одна из старых и очень сложных техник. – говорит Тойво. – Близкая к семейству боевых заклинаний, в котором содержится Армагеддон.

– Если бы я унаследовала магию отца, я бы смогла сейчас зарядить ту пушку иглами? Или надо было бы долго учить-

ся?

– Ты?.. – он, кажется, удивляется.

Человек, который первый увидел, как может убивать ее цунами, смотрит сейчас на Тимиру так, будто уверен, что ее максимум магии – наполнить ванну.

– Я. Просто вспомнила, как Иржи говорил, что взял бы меня на рубежи, если бы я была огненной.

– Не обращай внимания, – отмахивается Тойво. На миг его пальцы замирают, но потом ускоряют бег, расстегивая рубашку до конца. Он стаскивает ее с сильных плеч, и Тимира придвигается ближе, чтобы погладить их ладонями и коснуться губами гладкой кожи. – Иржи любит болтать своим подружкам про войну. На словах он бы каждую вторую взял на рубежи. Дамочек это будоражит, кровь быстрее бежит по венам, они загораются, а ему только этого и нужно.

– Думаешь, он хотел меня соблазнить? – смеется Тимира.

Глаза ее блестят все сильнее, в голосе игривость, она приклоняется к его мускулистой спине щекой и обхватывает его руками.

– Думаю, он хотел пробудить в тебе боевой дух. – Очень ровно говорит он.

– Наверное, – вздыхает Тимира, перебираясь к нему на колени и обвивая руками шею. – Я ни разу не слышала про военных водяных магов.

От ее пушистых волос пахнет цветами, от кожи – свежестью и лавандовым мылом, а под кожей на запястье все быст-

рее бьется теплая жилка.

Тойво кладет ладони поверх ее тонкой ночной сорочки, чувствуя под ней жар кожи и начинает тянуть ее вверх, все выше и выше.

– Просто вода – слабая стихия, – бормочет он, забираясь руками под ткань, пока голову ведет от женского мягкого тела под ней.

Он и сам не соображает уже, что говорит.

– Но у меня же силь... на... я-а-а-а-а... – Тимира откидывает голову и стонет, когда муж прижимает ее к себе особенно сильно.

Он не отвечает.

Он горячий... Такой горячий, такой ласковый. Его тепло обволакивает ее снаружи и изнутри, его горячие пальцы ласкают ее тело, а огонек в фонарике то разгорается, то угасает в такт его движениям. Карета раскачивается на рессорах, вскрики Тимиры особенно слышны в вязкой тишине пустыни и дозорные тихонько ухмыляются в усы.

Эх, молодость, горячая кровь!

Но так приятно видеть, что первый советник – такой же человек, как все. И нежно, безумно нежно любит свою жену.

Глава 4

Черная крепость показывается на горизонте только ближе к ночи.

Тимира знает, что в пустыне закаты особенно красочные – природа словно компенсирует однообразие пейзажей и разворачивается во всю ширь.

Но целый день в душной карете, то и дело вязнущей в песке, упорно и неизбежно наползающем на твердую корку дороги, вымотал ее до предела. Окутывающая ее тяжелая тошнотворная муть заставила даже отказаться от обеда и ужина.

Тойво днем заглянул ее проведать, и вид обычно энергичной жены, безвольно прислонившейся виском к обитой вышитым шелком стенке, наполнил его сердце жалостью.

Увы – все, чем он мог помочь – принести воды с лимонным соком и приказать ускориться, оставляя самые медленные экипажи позади, чтобы добраться до крепости поскорее.

Когда карета наконец останавливается, и не временно, чтобы сопровождающие успели расчистить дорогу перед ней, а достигнув места назначения, Тимира даже сразу этого не осознает. В полузабытьи ей все еще грезится, что ее качают песчаные волны, шуршит под колесами растрескавшаяся

земля и перекрикиваются охранники, едущие по сторонам от вереницы карет и экипажей.

Только услышав, что голоса стали громче, а свет огней – ярче, она находит в себе силы выпрямиться, провести ладонью по покрытому испариной лицу и осторожно выглянуть в занавешенное окошко, чтобы узнать, что происходит.

Темная громада крепости вздымается к беззвездному небу так высоко, что кружится голова. Верхняя часть теряется во тьме, зато въезд – массивные ворота, стоящие нараспашку, колонны, увенчанные статуями горгулий и уходящая в глубину мощеная черным камнем дорога – хорошо освещены.

На это здесь не скупятся: кроме фонарей с живым огнем за стеклом и треножников с чашами, наполненными маслом, в воздухе висят гирлянды магических шаров, сияющих ярким белым светом. Тени от него получаются резкие, черные, похожие на восточных телохранителей, вошедших в моду в столице.

Те укутываются в темную ткань с ног до головы, оставляя открытыми только глаза – да и их подводят углем. В полумраке их можно не заметить, тем более, что двигаются они совершенно бесшумно.

Кажется, что у людей, стоящих в воротах Черной крепости, за спиной прячется по такому телохранителю.

Среди суетливых встречающих и деловитых приехавших

только два человека недвижны – стоят друг напротив друга.

Тойво в темно-сером простом камзоле, украшенном лишь сложно завязанным шейным платком.

И...

В первый момент Тимира его не узнает, хотя сердце сразу начинает биться суматошно и нервно и тянет где-то в глубине души предчувствием беды.

Иржи. В пыльной и поцарапанной пустынной броне темно-песочного цвета. С щегольскими наплечниками и резными наручами, но все же отчетливо помятой, побывавшей в бою.

Она отшатывается в глубину кареты и вжалась в спинку, быстро дыша. Словно он мог заметить ее, уличить в том, что она подглядывает.

Значит, не зря вспомнился он, когда фрейлины сплетничали о командующем крепости. Он такой один на всю империю. Слишком молодой, слишком дерзкий и как всегда замешанный в скандалах с дамами.

Тимира была уверена, что он все еще на северных рубежах. Почему? Она ничего о нем не узнавала. Давно.

С того дня, когда она сдала свой экзамен и стала полноценным магом, прошло столько времени! Тогда, после ее триумфа, встретив наконец Тойво и покаявшись перед ним,

она вернулась в Экзаменациум и вошла в кабинет господина Э.

«Что вам нужно, Тимира Майро? – устало спросил он тогда. – Вы уже вынули всю душу из каждого служащего в нашей канцелярии. Неужели решили принести нам пирог и цветы за нашу работу и поблагодарить?»

«Я пришла потребовать пересмотра дела Тойво».

«Опять? Дорогая... – господин Э поднялся из-за стола и подошел к ней, чтобы по отечески приобнять за спину. – Что вам осталось непонятным? Радуйтесь жизни, шейте новые платья, танцуйте на балах, ищите себе занятие по душе, столица открыта таким юным девам как вы. Пусть никогда больше эти темные залы не...»

Тимира шарахнулась от его объятия, почуяв в нем неуместную фривольность.

«Скажите, господин Э, почему вы так упорно не даете нашей с Тойво истории выйти наружу? Вы ведь дружили с моим отцом?»

«Именно. Именно. И не собираюсь позволять вам марать его имя. Тем более, что никаких свидетелей той истории, кроме вас, не осталось. А вам было шесть лет, сами понимаете, не самое надежное...»

«Хватит!»

Тимира никогда в жизни не грубила взрослым. И, тем более, мужчинам. Как минимум, это было опасно в ее положении – сироты с запретом на магию.

Но с недавних пор она чувствовала за своей спиной силу куда более мощную, чем вся человеческая власть. Дикую, непредсказуемую – и заботящуюся о ней. Цунами, пришедшее к ней слишком рано.

У других магов сила легко поддается контролю, потому что открывают они ее в разумном возрасте. Со стихией, которой, как и ее носителю четырнадцать, шестнадцать, восемнадцать лет, можно договориться. Стихия, которая впервые приходит после двадцати – неустойчива и может быть опасна, но все равно слаба, потому что загрязнена эмоциями и запретами.

Но ее волна цвета бутылочного стекла так и осталась невероятно мощной – и с разумом шестилетней девочки. Очень обидчивой девочки, которая сейчас готова была защитить Тимиру. Даже не понимая, от чего.

Господин Э взглянул в ее глаза, где отражался отсвет цунами, и сощурился.

«Госпожа Тимира...» – начал он издевательским тоном.

«Господин Э... – Тимира перебила его. – Все, о чем я прошу... – она подчеркнула это «прошу». – Это позволить Тойво пройти экзамен и получить обратно свои гражданские права. Положенные ему по рождению и по владению одной из самых сильных техник».

Господин Э подобрался. Исчерченной морщинами рукой, унизанной кольцами, он сжал край своего стола. Он слишком много встречал в своей жизни чересчур эмоциональных

магов. И мог отличить пустую браваду от реальной угрозы.

«Какую технику вы имеете в виду?» – уронил он.

«У Тойво есть саламандра».

Господин Э втянул носом воздух, поперхнулся им и закашлялся.

Да, высшими духами стихий – саламандрой, келпи, сиффом и големом – умеет управлять очень, очень малое количество магов. Не больше десятка на каждую стихию.

И неучтенный маг такой силы, к тому же изрядно обиженный на империю за несправедливую кару, мог стать очень большой проблемой. Очень.

Если только...

«Госпожа Тимира, как вам удастся втягивать этого юношу в неприятности со столь завидным постоянством? Вы же понимаете, что теперь мы будем вынуждены ограничить его возможности управлять магией?»

Сказано было мягко, можно было обмануться, но Тимира сразу поняла, о чем речь.

«Ошейник?»

«Ошейник и ссылка. Как можно дальше».

«Что ж, господин Э, благодарна вам за откровенность, – Тимира сплела пальцы в перчатках. – Надеюсь, вы понимаете, что у меня не остается иного выхода, кроме как предать огласке все, что произошло много лет назад? Рассказать, что это я, а не Тойво, убила своего отца. Мне поверят – ведь

магия у шестилетнего ребенка могла пробудиться только в крайне эмоциональный момент. И ваши попытки замалчивания тоже вам даром не пройдут. У вас ведь есть внуки, господин Э?»

«На что вы намекаете, госпожа Тимира?»

«На то, что вы не просто так, не по дружбе покрываете делишки моего отца!»

В одно мгновение ярость исказила благообразные черты лица господина Э. Миг – и из доброго заботливого дядюшки он превратился в уродливого монстра.

«Вон! – заорал он. – Пошла вон! Я лично... Лично прослежу, чтобы тебе вернули ошейник, дрянь!»

«Господин Э...» – она сумела скрыть дрожь в голосе.

То, как преобразился благообразный мужчина, солидный, уверенный в себе и самый авторитетный из тех, кого Тимира знала, испугало ее. Еще больше ее испугали мысли о том, почему произошла такая перемена. Ей хотелось уколоть его, а получилось – попала в точку?

О, нет...

«Господин Фестер о тебе тоже расскажет много интересного! Как благородная леди Тимира весело проводила время в ссылке вдали от столицы! В Ильдауме ходят легенды о ее распутстве! Хочешь, чтобы ходили и здесь? Пошла вон, пока я не разозлился!»

Тимира вылетела тогда за дверь, едва сдерживая злые слезы обиды. Как ей хотелось выпустить свою волну на волю и

увидеть, как она размажет этого человека по стене! Как он будет пучить глаза, пытаясь сделать вдох! Дергаться и задыхаться, пока она смотрит на него и решает, когда отпустить!

Но он – маг. И не просто маг, а наставник, экзаменатор.

Если за нападение на обычного человека владеющему стихией ничего не будет, то нападение на другого мага – это верный путь в ссылку, а то и тюрьму.

Ни-че-го она не может сделать, чтобы исправить то, что натворила.

Ничего.

Она смахнула соленые капли с ресниц и только тогда заметила черную фигуру, подпиравшую стену рядом с кабинетом.

Иржи молча стоял, скрестив руки на груди и смотрел на нее своими черными глазами.

Он что – все слышал?

Какой позор...

Тимира дернулась в его сторону, собираясь что-то объяснить или упросить молчать о произошедшем, но Иржи, ничего не говоря, отлепился от стены и без стука вошел в кабинет господина Э.

И тут же зазвенела пронзительная тишина, которую могут ощущать только маги. Что бы там ни происходило – посторонним уже было не услышать.

Она прождала его не меньше часа, но из кабинета больше

никто не вышел, зато служащие вежливо попросили госпожу отправиться домой, если ей больше не назначено никаких встреч.

Упирается она не стала.

На следующее утро был объявлен специальный публичный экзамен для Тойво Эссена.

Во время которого он продемонстрировал свой навык вызова саламандры и был признан полноправным магом со всеми положенными ему привилегиями.

Столица гудела от сплетен. Никто толком не знал, что за Тойво Эссен – история с Тимирой держалась в секрете. Вечерние газеты вышли с огромными заголовками – «Самый сильный маг нашего поколения приглашен на личную встречу с Императором!»

На фотографиях к заметкам в черных стенах Экзамена-циума плясала знакомая Тимире саламандра. Никакой информации у журналистов не было, поэтому газетчики изощрались кто как мог, тасуя известные им факты об опальном маге, в одночасье удостоившимся высшей милости.

На следующий день Тимира нашла среди своей почты ярко-красный конверт и почему-то сразу поняла, чей он.

Глава 5

Вернувшись в столицу из ссылки с одним платьем в багаже, Тимира не стала снимать комнату в подобающем юной девице месте. Она поселилась в своем родном доме.

Опустевшем и холодном.

В нем давно никто не жил – после смерти отца мать сошла с ума, и была отправлена в соответствующее заведение, а Тимиру родственники определили в закрытую школу. После Экзамена, на котором она чуть не уничтожила Тойво, своего врага, как она думала, ее отправили в ссылку, даже не дав заглянуть домой. Все, что у нее было в школе – отправилось вместе с ней в Ильдаум.

В деньгах она не нуждалась: у отца было недурное жалование на должности государственного чиновника, у матери – хорошее приданое. Тимира могла бы скромно и просто жить остаток своих дней, даже не стремясь замуж.

Но замуж, разумеется, она стремилась, как положено любой порядочной девушке.

Раньше. До приговора.

Но и в ссылке могла бы найти мужа в провинции – в Ильдауме она пользовалась успехом у молодых людей хорошего происхождения.

Если же теперь господин Э реализует свою угрозу, замуж

ее не возьмет даже последний нищий с площади Огней.

Дом семьи Тимиры располагался в хорошем районе и за ним за небольшую мзду присматривал управитель квартала. Прогревал каминны зимой, чинил крышу, уничтожал заросли выюнков, стремящиеся захватить фасад.

Он же подготовил для Тимиры одну из комнат – убрать ее, смахнуть пыль, сменить белье на постели, прогреть холодные стены.

Кухарку она не успела нанять, так что питалась пока хлебом и сыром – идти в таверну не хотелось. Ворох писем с поздравлениями ей тоже принес тот же управитель, оставив на пороге и не беспокоя госпожу.

Письмо в алом конверте было от Тойво – она не ошиблась. Он вежливо и холодно благодарил ее за встречу и просил разрешения прийти на чай по всем правилам этикета.

После откровенного разговора у него дома, когда Тимира увидела его саламандру, возвращаться к церемониям высшего света было странно. Но она собственными руками отмыла от пыли лучший сервиз – с искусными рисунками, очень тонко и точно изображающими сцены охоты. И сама заварила чай, сбегав в лавку за пирожными. И в ожидании назначенного часа на нервах съела несколько штук. Когда колокольчик у двери звякнул, Тимира как раз распределяла по блюду оставшиеся так, чтобы не было заметно убыли.

Но Тойво к ним даже не притронулся.

В своем старомодном, не по размеру сюртуке он сидел за

столом, так и не сделав ни одного глотка чая, и молчал, глядя на Тимиру.

Она же испытывала слишком много разных чувств, и не могла определиться, какое из них самое главное.

Тут была и робость перед незнакомым мужчиной, знавшем о ней самое тайное и стыдное.

И вина, неизбежная, страшная – за то, что она стала причиной его бед.

И жалость – пока ее ссылка больше напоминала летние каникулы для скучающих девиц, он был заточен в одной из самых страшных тюрем империи.

И благоговение перед сильным магом, сумевшим сохранить свой огонь даже в таких условиях.

И уважение к человеку, только вчера говорившему с самим императором.

И щемящая нежность, настоящая, женская, которую хотелось выразить заботой, но ничего кроме этого глупого чая с пирожными Тимира предложить ему не могла. Даже ужина.

И еще – искристый интерес. Зачем он пришел? Что он хочет сказать? Чем теперь Тимира может ему помочь?

Она ведь чуть не помешала ему в очередной раз.

С этого она и начала.

– Прости меня, – сказала Тимира, легко и незаметно для себя называя его на «ты». После всего, что их связало, это казалось самым естественным обращением, хоть и идущим

поперек всех правил этикета. – Я рассказала все в Экзамена-
циуме, потребовала, чтобы тебя снова проверили, но они...

– Нет, нет, – поспешно возразил он, неловко привставая
и чуть не опрокидывая чашку. – Не извиняйся, пожалуйста.
Ты все сделала правильно, и в конце концов все вышло, как
надо. Собственно, это я и хотел обсудить. Император велел
поговорить с тобой...

Тимира замерла. Единственный раз она видела императо-
ра, когда была еще совсем маленькой, на каком-то гранди-
озном приеме во дворце, куда взяли даже детей. Но потом
случилась смерть отца и весь этот скандал... Сложись жизнь
иначе, она была бы вхожа во дворец и наверняка познакоми-
лась бы с самым могущественным человеком в стране лич-
но, но сейчас она была настолько далеко от двора, насколь-
ко возможно. Никто не подпустит опасную преступницу так
близко к императору. Даже если ей вернули все права – об-
щество все равно помнило позорный шрам на ее шее – удав-
ку, не дававшую пользоваться магией.

– О чем же?

Ее чай тоже остывал, а съеденные второпях пирожные
смерзлись в желудке в тяжелый сладкий ком.

– История с саламандрой наделала шума. Люди не успоко-
ятся, пока не узнают всю правду обо мне. Поэтому им нужно
рассказать подходящую байку, за которой мы скроем про-
изошедшее на самом деле. Император предложил рассказать
все, как было, тем более, твой отец давно мертв, и тень, бро-

шенная на него, не коснется императорского двора. Но я отказался. Это повредит тебе.

Он сказал это очень спокойно, твердо, несмотря на внешнюю нервозность. Позже она узнала, что в этом был весь Тойво – когда он принимал решения, которые считал справедливыми, его уже ничто не могло поколебать.

– Ты не хочешь навредить мне... – в горле Тимиры встал комок. – Но ведь я навредила тебе.

– Мне было десять. Я уже знал... многое знал... достаточно знал о жизни, когда увидел тебя на том острове, – рука Тойво, лежащая на скатерти рядом с чашкой, сжалась в кулак, но он не отвел глаз от лица Тимиры и продолжал говорить. – И когда я понял, что он делает с тобой...

Тимира зажмурилась. Она не хотела думать об этом. Не сейчас. Никогда.

Черные глаза Тойво снились ей в страшных снах с того дня и до Экзамена, на котором она все вспомнила. Эти черные глаза она ненавидела большую часть своей жизни. И даже теперь, когда она знала, что в них была боль и жалость, а не желание убить ее и ее отца, она не чувствовала себя спокойно под его пристальным взглядом.

Слова Тойво доносились сквозь шум в ушах.

– И потом, когда ты ударила его своей волной... я бы хотел сделать это сам! Но сделала ты. Ты была маленькой и испуганной и даже не поняла, что случилось, а я уже знал, что ничем хорошим это не кончится, поэтому взял вину на себя.

Чтобы защитить тебя, Тимира.

Она сидела, сложив руки на коленях и чувствуя, как текут слезы из-под закрытых век.

Теплые ладони накрыли ее пальцы, и она вздрогнула, ощутив его близость.

– Я пообещал себе, что защищу тебя во что бы то ни стало. Потому что это я должен был его ударить, но у меня не было магии. Совсем.

– Как... Как же она у тебя появилась? – прошептала она. – Как появилась саламандра?..

– Я расскажу тебе потом, – пообещал Тойво. – Сейчас нам нужно придумать что-нибудь, чтобы журналисты не раскопали, как все было на самом деле. Чтобы защитить тебя. Но ты должна мне помочь...

В том холодном старом доме, пахнущем пылью и плесенью, родилась не только история для публики, в которой отважный мальчик с рано пробудившимся огнем спас маленькую девочку от злых разбойников, убивших ее отца, но сам на долгие годы потерял дар магии и речи – из-за чего и случилась судебная ошибка, стоившая обоим слишком дорого.

В том доме родилась куда более важная вещь – пока еще хрупкое доверие между ними, связанными отныне этой ложью. Ложью, что была чище и справедливее правды.

– Императору нужен герой и благодарная целомудренная дева в беде, которую тот герой спас. Скандал в высших кругах, грязное белье и вскрывшаяся некомпетентность чинов-

ников ему не нужны. Никто не задаст неудобные вопросы, об этом позаботятся. Нам просто нужно будет вдвоем подтвердить то, что я расскажу прессе.

Даже если бы Тимира была не согласна с его решением, она все равно помогла бы ему. Потому что Тойво попросил – она была должна ему свою жизнь. И его жизнь она тоже была ему должна.

Ночь наедине с мужчиной...

В Ильдауме с Иржи Тимире было нечего терять. Он единственный мог помочь ей научиться управлять своей магией, даже несмотря на позорный ошейник.

В столице ей бы не простили такого позора. Но она не думала об этом, когда помогала Тойво продумывать их легенду.

То, что с Иржи ощущалось как вызов обществу, с его братом было самой правильной вещью на свете.

Тойво сидел рядом с ней и держал ее за руки, согревая их своим теплом. Он успокаивал ее, когда никак не сходились концы с концами и казалось, что у них не выйдет обмануть столько не самых глупых людей.

История с разбойниками была шита белыми нитками, но абсолютная уверенность Тойво вселяла и в нее надежду на то, что все получится.

Утром он поцеловал кончики ее пальцев, дерзко перейдя грань приличий, и Тимира вспыхнула вся, целиком, вдруг позволив своей нежности к нему выйти на первый план и

захватить ее полностью.

Тойво не выпускал ее руку, когда они входили через тайную калитку на приватную встречу с императором в его саду.

Старый, опытный и мудрый, правитель страны не мог не заметить этого – возмутительного для света! – жеста.

– Что ж... История мне подходит. Но знаете, что было бы еще лучше? – спросил старый лис, вглядываясь в лицо Тимиры, розовеющее от каждого касания Тойво. – Лучше, если бы герой женился на спасенной им красавице. Истории любви публика любит даже больше, чем истории о восстановленной справедливости.

В том саду Тойво и сделал ей предложение.

Он встал на одно колено прямо в густой траве, не беспокоясь о том, что испачкается землей свои брюки. Снова коснулся губами кончиков пальцев, замерев в этой позе – со склоненной головой, ожидая ее решения.

Даже императору захотелось в тот момент отвернуться, таким неуместным он почувствовал себя в этот момент. Это был их момент. Только их.

Но он был разумным и циничным политиком. И досмотрел до конца, чтобы убедиться, что не ошибся в этих двоих – молодых, порывистых и искренних в своих чувствах.

– Тимира Майро, станешь ли ты моей женой? – прозвучало негромко, почти неслышно за пением птиц и шелестом листвы.

Император снял одно из своих колец и передал его Тойво,

чтобы тот надел его на палец Тимиры. Старинный перстень с темно-лиловым камнем, в глубине которого горела магическая искра.

Она смогла только кивнуть – горло перехватило и во рту пересохло, она не сумела произнести ни звука.

О роли Иржи в их истории они так и не говорили. Тем более, что тот покинул столицу в ту же ночь и не явился на свадьбу, которую сыграли через несколько месяцев. Тойво уводил разговор в сторону, если речь заходила о помощи его брата в этой истории, и Тимира быстро привыкла не поднимать сложную тему.

Меньше всего она хотела его расстраивать – на него и без того свалилось слишком много ответственности, когда император приблизил его к себе, а вскоре, после череды повышений – назначил первым советником.

Публика любит красивые истории.

К тому же оказалось, что выдумка о том, что Тойво сильнейший маг современности – чистая правда. Народ обрел нового героя, а Тимира – лучшего мужа на свете.

Глава 6

Шум за стенами кареты становится громче – скрип обозов, ржание лошадей, голоса. Карета вздрагивает и тоже медленно движется по дороге, уже не увязая в песке, здесь камни расчищены. Въезжает в ворота крепости и останавливается. Короткий стук в дверь – она открывается, и Тойво заглядывает внутрь, протягивая руку:

– Выходи, тут кое-кто хочет с тобой поздороваться.

Тимира уже знает кто. Но натягивает на лицо удивленную улыбку, когда видит Иржи, ожидающего ее в двух шагах от кареты. Он сгибается в поклоне, и его улыбка выглядит так же неестественно, как ее. Впрочем, это может быть игра света и тени от факелов и фонарей, окружающих их, но не разгоняющих темноту пустыни до конца.

Вблизи видно, что Иржи загорел, от бывлой северной бледности не осталось и следа. Но странным образом ему это идет даже больше – идет к черным дерзким глазам, растрепанным кудрям и поцарапанной песчаной броне. В левом ухе у него россыпь серег с разноцветными камнями, на шее не меньше десятка шнурков с амулетами, а когда он стаскивает с руки перчатку из драконьей кожи, обнаруживается, что пальцы его унизаны кольцами.

Со времен визита в Ильдаум побрякушек у него прибавилось, но ведь Тимира и не видела его на северных рубежах. Он явно не стесняется использовать любые средства, помогающие выжить. Даже без собственной магии, она уверена, он сможет противостоять изрядному количеству врагов, опираясь только на силу артефактов.

Она не раз слышала похвальбу от ветеранов, как они с голыми руками выходили на чудовищ или на целые полки врагов и побеждали одной голой силой. Конечно, она восхищалась их храбростью, но всегда в глубине души считала, что это глупость – не пользоваться даже самой незначительной помощью в бою. В реальном сражении доблесть – выжить, а не умереть, не опустившись до вскрытия артефакта, заряженного «тыловой крысой».

Она протягивает руку Иржи, ожидая чего угодно – пожатия, как от партнера по спасению Тойво, поцелуя, как от джентльмена, но не ожидая, что, едва коснувшись кончиков ее пальцев, он отдернет свои, словно обжегшись.

Дерзкий взгляд только на мгновение вспыхивает, вонзившись в ее зрачки так глубоко, что Тимира вздрагивает – и тут же тухнет, упираясь в камни под ее ногами.

– Добро пожаловать в Черную крепость, госпожа Тимира, – говорит Иржи чуть хриплым голосом. Совершенно бесцветным, без тени эмоций.

Это даже обидно – они не виделись четыре года, но ведь в Ильдауме... В Ильдауме ей казалось, что они нашли общий язык, стали близки...

Впрочем, и там он не был до конца с ней откровенен. Да, учил управляться с магией даже в ошейнике, чтобы сдать Экзамен, но отшучивался, когда она спрашивала, зачем ему это нужно. Так и не сказал, что Тойво – его брат, ей пришлось догадываться самой. Может быть, он все это время ненавидел ее за то, что она сделала, просто теперь нет нужды притворяться?

– Мы ждали вас раньше, – говорит он уже Тойво, вновь натягивая перчатку, хотя в ней нет нужды. Ворота крепости со скрипом закрывают, и вряд ли внутри угрожает какая-то опасность. – Готовили торжественный ужин. Он получится весьма поздним, но могу я рассчитывать, что вы присоединитесь к нам?

– Да, конечно, мы всю уже пару недель мечтаем о нормальной еде, а у вас, говорят, отменные повара, – смеется Тойво, подхватывая Тимире под руку. – Да, дорогая? Я подслушал твоих фрейлин, они соскучились по воздушным пирожным

гораздо сильнее, чем по столичным сплетням. О, вот и они!

Мимо проходят, возбужденно болтая и шпыняя носильщиков с багажом Армина, Тайша и Гиния. Женщин на рубежах служит мало, поэтому фрейлины чувствуют себя как в кондитерской лавке – куда ни взгляни, везде подтянутые молодые красавцы с морщинками у глаз от напряженного вглядывания в пески на горизонте и обветренными загорелыми лицами. А какие у них сильные руки! А как им идет форма! А.. Ах! Ох!

Они замечают Иржи и мгновенно забывают о прочих обитателях крепости.

Тайша даже замирает на месте и Гинии с Арминой приходится подхватывать ее под руки, чтобы сдвинуть с места, пока она пожирает глазами самое вкусное пирожное в крепости.

«Пирожное», впрочем, отвечает им взаимностью. Взгляд Иржи тщательно ощупывает каждую из фрейлин, а уж когда они наконец поворачиваются спиной и идут в крепость, поминутно, впрочем, оглядываясь, и вовсе прилипает к пышным, по последней моде, турнюрам.

– Вы тоже, гляжу, соскучились по светской жизни, – возвращает Тойво брата к реальности. Его почему-то веселит его такое беззастенчивое и наглое поведение. – Позволю себе надеяться, что наше пребывание здесь будет приятным для

всех сторон.

– Что? – тот, наконец, отвлекается от прелестей фрейлин, и Тимира еле слышно фыркает, маскируя непроизвольную реакцию за кашлем. – Да, на завтра у нас в планах бал, я надеюсь, все успеют отдохнуть к этому моменту и хорошенько повеселиться. Не хуже, чем в столице!

– Бал? – удивленно поднимает бровь Тойво. – Ты не забыл, что я сюда прибыл с инспекцией, а не с развлекательной миссией?

– Твоя ответственность и серьезность – залог процветания империи, – Иржи склоняет голову в почтительном поклоне, но его губы ломает насмешливая улыбка, а в тоне слышится капелька неуместного сарказма. – Завтрашнее утро ты можешь посвятить осмотру наших защитных укреплений, а на границу выдвинуться уже послезавтра.

– Хороший план, – кивает Тойво. – Нисколько не сомневался, что дело для тебя всегда будет на первом месте.

Тимира чувствует второй слой в их разговоре, но не понимает, что в нем прячется. Она слишком устала для того, чтобы думать, и еще этот ужин... Она бы с радостью пошла сразу спать, но проигнорировать приглашение не имеет права. Люди хотят увидеть знаменитого первого советника Той-

во и его жену, которую он спас. Если он явится без жены – могут начаться пересуды. Так ли все ладно в самой романтической паре империи?

– Ваш багаж уже доставили в комнаты, можно переодеться и освежиться перед ужином. Вас проводят, – говорит Иржи и кивает Тимире, стараясь не встречаться с ней взглядом. Она склоняет голову и с радостью следует за слугой, подбежавшим, чтобы показать ей дорогу в выделенные им комнаты.

Оборачивается она у высоких дверей, ведущих в крепость – и ловит на себе обжигающе-черный взгляд, который Иржи мгновенно отводит. Но всю дорогу до спальни в главном крыле она ощущает, как зудит от него кожа, словно она слишком много времени провела под злым солнцем пустыни.

Глава 7

Главный зал преобразился.

Уходящие ввысь грубые каменные стены прикрыты новыми яркими баннерами с гербами империи. Золотое солнце на алом поле, золотая канва по краю, алые кисти – на памяти Иржи это место никогда не выглядело так радостно и торжественно. Может быть, когда-то, столетия назад, когда Черная крепость была главным южным фронтиром и императорский двор гостил здесь не меньше месяца в году...

Пыльные витражи отмыты, и мозаика разноцветных стекол, изображающая битвы с драконами, пышные свадьбы и состязания магов, ярко переливается в свете сотен свечей, зажженных по случаю визита первого советника.

Люстра спущена из-под потолка почти до уровня голов, и в ее пузатых чашах танцуют магические огни, добавляя света в и так залитый сиянием зал.

Грубые бревенчатые столы укрыты полотнищами отбеленной ткани – а для главного стола на возвышении, предназначенного для советника и свиты, нашлись даже вышитые скатерти.

Всю неделю каждые свободные руки в крепости были заняты уборкой – все, от самого скромного слуги до самого могущественного мага, исключая разве что главнокомандующего, скребли каменные полы, начищали песком медные блюда, возвращали былой блеск серебру, зашивали дыры на гобеленах, снимали копоть со старинных картин, прогревали большие спальни, где столетиями копился стылый холод, для новых гостей.

Все, кто умел приготовить хотя бы бутерброд, были рекрутированы на кухню – и теперь столы ломились от роскошных блюд.

Мелкие пустынные воробьи, рядом лежащие в латках, залитых травяным соусом, перепелки, запеченные в песке, роскошные тетерева прямо с оперением, редкая зеркальная рыба из Последнего оазиса. Холодное копченое и тушеное мясо было украшено ярко-красными кисловатыми ягодами, оттеняющими его вкус.

Повар крепости, в былые времена трудившийся на императорской кухне, тряхнул стариной и совершил практически невозможное – умудрился приготовить из скудных местных продуктов десерты, достойные императорского стола: несколько видов пирогов с разного рода мясом и овощами, ягодные муссы и даже молочное желе с орешками для дам.

Иржи разрешил разорить найденный в подвалах погреб с винами, оставшимися еще с прошлой войны, а деревенские умельцы из слуг сварили свежее пиво. Холодные лимонады пересыпали остатками снега из ледников и выставили бутылки с ними в широких вычурных чашах.

Петра, одна из генералов, приближенных к главнокомандующему, вспомнила вбитые в монастыре навыки и украсила столы и окна необычными букетами из пустынных колючих трав вперемешку с кустиками ягод и редкими горными цветами.

Иржи не требовал такого серьезного подхода к визиту, но обитатели крепости были так рады столичным гостям, что у него не хватало духу усмирить их порывы. Да, это всего лишь плановая инспекция нового советника, исключительно деловой визит.

Но если они так возбуждены – что ж, пусть будет праздник.

Несмотря на позднее время, на ужин собрались все жители крепости и ближайших постов. Те, кому выпало дежурство на эту ночь, страдали от невозможности поприсутствовать, но им, конечно, обещали вынести лучшие блюда, чтобы как-то усмирить их печаль.

Иржи от входа смотрел, как высшие офицеры рассаживаются за ближайшими к возвышению столами, рядовые солдаты устраиваются чуть дальше, слуги накрывают для себя столы в самом дальнем краю зала. Здесь, в крепости, все равны, все приглашены на ужин, до последнего мальчишки с конюшен.

Гости входят – и при виде накрытых столов и украшенного зала даже у самых усталых из них загораются глаза. А у вымотанных подготовкой жителей крепости открывается второе дыхание, и они готовы пировать и веселиться всю ночь. Особенно рады офицеры, замечающие девушек в ярких платьях, восторженно щебечущих и оглядывающих коридоры и залы, по которым их ведут ужинать.

Им уже сыплются предложения показать картинную галерею, малые залы, самый большой камин в зале совещаний, сад-оазис, заботливо собранный Петрой, и прочие примечательные уголки крепости. Включая уединенные площадки на башнях, еще в былые времена прославившиеся как лучшие места для свиданий.

Все рассаживаются по местам, и Иржи решает не мучить их речами. Он машет музыкантам, и те начинают играть негромкую мягкую мелодию, которая и подает собравшимся

сигнал к трапезе.

Тойво, сидящий как почетный гость в центре, к ужину не приступает: ждет Иржи. Начать есть раньше хозяина – непозволительное для него нарушение этикета.

Тимира рядом с ним бледна и выглядит усталой. Она делает всего несколько глотков лимонада и задумчиво общипывает ягоды с роскошной ветви винограда, которую пожертвовали из дорожных запасов советника.

Угощение вообще здорово разнообразили за счет того, что привезли с собой гости. Тойво был щедр и приказал поделиться всем, что у них есть.

– Советую копченую ягнятину, это старинный рецепт приграничья, – говорит Иржи, падая в кресло и закидывая ноги на свободную часть стола.

Тимира бросает на него всего один мимолетный взгляд из-под ресниц, и он тут же убирает их, садясь прямо и даже не укладывая локти на стол. Черт, эти их столичные манеры! Всегда приходится о них помнить, если попадаешь в высшее общество.

– Мне было бы интересно попробовать вашу ежедневную еду, – усмехается Тойво. – Что подают на завтрак, обед и ужин простым магам – защитникам крепости? Вряд ли все

эти изысканные блюда и тетеревов прямо в оперении.

– Финики, – начинает перечислять Иржи, – пресные лепешки, сушеное мясо, каши, сыр. Кстати, у нас тут есть особый выдержанный сорт, который созревает глубоко под землей, обязательно попробуй, вы там в столицах такого и не едали.

– Ты знаешь, я привык к еде попроще. Той же каше, – качает головой Тойво. – Так что с утра с удовольствием разделю завтрак с вашими рядовыми.

– Неужели столичная жизнь не приучила тебя к вычурным вкусам? – поддевает его Иржи.

– Нисколько. Я пока так и не понял прелести сладкого мяса или соленого десерта. Часто продукты, которые столичные рестораторы соединяют у меня в тарелке, кажутся мне предельно несовместимыми.

– Зря... – Иржи подавляет порыв снова развалиться за столом, как он привык, и вместо этого тянется к блюду с шариками из мягкого сыра. – Вот, попробуй. Если я расскажу знакомому шоколатье рецепт, на следующий сезон это станет самым модным десертом.

– Шоколатье? – Тойво вертит шарик в пальцах, но откусить не решается. – Тут есть шоколад?

– Тут есть особым образом ферментированные бобы, которые становятся похожи по вкусу на шоколад. Эх, не на пользу тебе столица! На твоём месте должен был быть я...

Тойво бросает на него долгий взгляд, но Иржи встречает

его открыто, не таясь, и в его черных глазах не видно даже намека на то, что в его словах есть двойное дно.

– Когда ты успел стать таким гурманом? Я чего-то не знаю о северных рубежах?

– Зимой от столицы до зимовки армии меньше суток пути. Во время штормов нет нужды держать оборону, империя защищает себя сама. Так что мы изрядно времени проводили на балах и в салонах, успевая вернуться к окончанию бурь.

– Ты об этом мне не писал... – бормочет Тойво.

– Это вообще-то секретная военная информация, как бы я писал об этом заключенному в тюрьме?

– Зато ты в подробностях писал о своих девицах... Ааааа! Так это были не ваши девицы!

– Ты все это время думал, что такие роскошные леди жили в нашем медвежьем углу – каждый месяц новые?

– Не сообразил... – кивает Тойво. – Ты же знаешь, я не был слишком опытен в делах сердечных. Как-то в тюрьмах для магов этому аспекту не уделяется достаточно внимания.

– К сердцу, дорогой мой брат, эти дела не имеют никакого отношения, – похабно ухмыляется Иржи, впрочем, понизив тон, чтобы до дам на другом конце стола не донеслась его скабрёзность. – Это радости совсем других органов. Ты уверен, что не читаешь своей молодой жене по ночам любов-

ные сонеты вместо исполнения супружеского долга? Может быть, как старший брат младшего я мог бы тебя кое-чему научить?

Тойво только качает головой и возводит глаза к потолку.

Иржи знает, что под кажущейся мягкостью нрава у брата спрятан стальной стержень: иначе не выжить, если ты – выгоревший в десять лет маг, загремевший в тюрьму, в которую боятся попасть даже взрослые и опытные воины. Чтобы сохранить там себя и свою магию, надо стать сверхчеловеком, сверхмагом. И совершенно точно не спускать колкости, иначе ты сам не заметишь, как займешь низшее место в иерархии.

И что Тойво прощает подобные выпады, не потому что не может на них ответить. Он никогда не был неблагодарным и точно знает, скольким обязан старшему брату. Но Иржи все равно бесит его покладистость.

И то, что эта покладистость считается высшей из добродетелей.

Впрочем... вероятно, магия согласна в этом с людьми, раз именно Тойво даровала право вызывать саламандру.

А Иржи нет.

Иржи владеет каждым, абсолютно каждым известным заклинанием огня – и владеет ими в совершенстве. Он даже знает кое-какие довольно секретные техники, не запрещенные, только потому что о них в империи знают единицы.

Но саламандра приходит не к тем, кто сильнее, и не к тем, кто искуснее. Она выбирает по другим критериям.

Дождавшись, пока собравшиеся утолят первый, самый сильный голод, Иржи откашливается и встает. Это знак музыкантам перестать играть, взяв напоследок высокую, историческую ноту. Чтобы стихли разговоры за столами и все внимание гостей и жителей крепости обратилось на главнокомандующего.

– Дорогие гости! – говорит он, добавляя в голос толику огня, и он разносится под сводами зала, усиленный в несколько раз. – Мы рады видеть вас в нашей скромной обители!

Тойво хмыкает: ему не слишком нравится отношение к инспекции, как к гостям, но Иржи знает, что делает.

– Сегодня вы устали и мечтаете о сне в удобных спальнях. Не беспокойтесь, они уже подготовлены. Для каждого. Места у нас много! Но завтра... Когда вы отдохнете и соберетесь с силами, мы хотели бы пригласить вас...

Иржи сбивается: такие речи ему всегда давались тяжело.

– Короче! – обрывает он свой витиеватый заход. – Завтра

будет бал!

Шум в зале на несколько мгновений перекрывает его голос, но он добавляет ему громкости:

– У нас тут в основном суровые военные маги, которые не встречали новых женщин уже много месяцев, а у вас полно роскошных красоток, так что, надеюсь, всем будет весело!

– Господин командующий! – раздается звонкий голосок с края стола, где шушукается стайка фрейлин. – А вы будете с нами танцевать?

– Я... – Иржи делает вид, что задумывается, и ловит взгляд Петры, которая по своей инициативе вызвалась занять место на «женской» половине стола на возвышении. В ее взгляде загорается огонек упорства.

Ох, ох, Петра...

Все еще не теряет надежды.

– Конечно, я перетанцую с каждой женщиной в этом зале, не волнуйтесь, всех вас оценю по достоинству!

– Достоинству, – поправляет его Тойво вполголоса.

– Я знаю, что хотел сказать, – огрызается Иржи шепотом. И снова громко: – А пока ешьте, пейте, знакомьтесь – хоть до утра! У нас тут все по-простому: если вам не нужно в дозор, делайте, что хотите!

– При дворе тебя бы закидали засахаренными персика-

ми, – комментирует Тойво, когда Иржи садится обратно. – Мог бы подготовиться.

– При дворе, – откликается тот, – меня зацеловали бы, еще до того как я успел бы открыть рот. И не только зацеловали...

– Избавь от подробностей, – поднимает ладони вверх Тойво. – Не хочу знать такое о своем брате.

Иржи ухмыляется и ловит острые взгляды фрейлин, которые, даже не слыша их перебранки, всем своим видом подтверждают его правоту.

– Я, с твоего позволения, пойду распоряжусь насчет дежурств моих людей, – встает Тойво, откладывая вышитую салфетку в сторону. Вот уж у кого этикет в крови. Весь, выделенный на двоих братьев. – Спасибо за ужин, о делах поговорим утром. Надеюсь, ты не проспичь.

Иржи плещет себе в бокал темное вино из пыльной бутылки – самой пыльной, что нашлась в погребе, – и провожает его задумчивым взглядом.

Как так вышло, что они настолько противоречиво разные? Оба владеют стихией огня, оба одарены магией, и если уж думать о том, кто из братьев должен был стать смутьяном и наглецом, то скорее тот, что большую часть жизни провел среди дерзких, нарушивших закон. А не Иржи, получивший безупречное образование, достойное, как минимум, министра. Но, кажется, характер – это врожденное. Как ни старайся, а начертанное звездами не изменить ни уроками этикета,

ни общением с преступниками.

После ухода первого советника все как будто выдыхают. Вроде бы Иржи тут самый главный – в стенах крепости даже главнее Тойво – но при нем все ведут себя свободно, а рядом с Тойво застегиваются на все пуговицы и выпрямляют спину.

Шум голосов накрывает зал, возносится к невидимому в темноте своду, звенят бокалы, булькает вино, стучат тарелки и гремят кости о блюда. Гости перемешиваются с местными жителями, заводят разговоры, знакомятся и уже потихоньку начинают подкатывать к девицам. Пока – самым простым, из служанок, но уже поглядывают на дам познатнее, а кто-то бочком-бочком взбирается на возвышение, чтобы преподнести Тайше одинокую белую розу. Подозрительно знакомую – вот и Петра щурится, признавая в ней одну из тех, что растет в маленьком саду под сенью крепости. Ох, несдобровать смельчаку!

Движение рядом он замечает краем глаза. Пока фрейлины всю простреливают глазками весь зал насквозь, Тимира явно планирует покинуть их незамеченной. Не прощаясь, как ужасно, ужасно невежливая леди. Впрочем, Иржи сам задал расслабленный тон, так что она не нарушает никаких правил.

Она складывает салфетку, совсем как Тойво, и медленно идет к маленькой лесенке с краю возвышения, чтобы спуститься по ней и направиться в свои покои. Иржи размышляет, кого из слуг послать к ней, чтобы проводили, когда Тимира вдруг покачивается и едва не падает, подвернув ногу уже на второй ступеньке.

Он оказывается рядом быстрее, чем успевает моргнуть. Ее кожа слишком холодна для жаркого климата пустыни. И локоть, под который он ее подхватил, подрагивает. Иржи приходится придержать Тимиру за талию, потому что она почти сползает вниз, теряя сознание.

Но почувствовав его руки, она распахивает глаза и пытается отстраниться.

– Все в порядке... – бормочет она тихо. – Просто здесь душно. Я сейчас... сейчас приду в себя.

Под взглядом Иржи к нему бросается один из слуг с подносом, заставленным бокалами, и, к счастью, в одном из них просто холодная вода, не вино.

Тимира принимает бокал дрожащими руками и долго пьет, останавливаясь, чтобы выдохнуть.

– Просто устала, – оправдывается она, отдавая ему бо-

кал. – Проводи меня, пожалуйста, до выхода. Нехорошо, если жена советника свалится посреди зала без чувств.

Путь до высоких дверей зала слишком долг – Тимира едва держится на ногах, и Иржи рад, что покои советника на том же этаже, совсем недалеко. И все же, он кончается слишком быстро.

Потому что...

Потому что ее волосы пахнут летним полднем в Ильдауме: солнцем, медом и пряными травами, что росли в палисаднике дома госпожи Ритто в те дни, когда он учил ее управлять своей магией.

Ее кожа пахнет густыми сливками – прохладная и гладкая под его пальцами.

Ее пальцы касаются его руки аккуратно, осторожно, вежливо – совсем не так, как тогда, когда она отталкивала его в гневе за попытку разбудить в ней эмоции, зажигающие магию.

С каждым шагом внутри него все громче звенит натянутая серебряная струна, заглушая своим звоном музыку и шум зала.

Он возвращается в те дни – с каждым шагом.

В те дни, когда он ненавидел ее – ту, что обрекла его брата на жуткую судьбу.

В те дни, когда он ее...

– Все, спасибо, – поворачивается она к нему в дверях с легкой полуулыбкой. – Мне уже гораздо лучше. Я сама найду наши покои, я помню, как мы сюда шли.

И ее рука ускользает из его руки, она сама отступает в полутьму коридора.

Иржи не настаивает. Не смеет настаивать.

Где-то там сейчас его ответственный брат раздает приказы, не догадываясь, что его жена так нуждается в нем.

Но он придет в спальню, стащит сапоги, расстегнет парадный камзол, надетый к ужину, снимет рубашку и брюки – и ляжет к ней в постель.

К своей жене.

К Тимире, чьи волосы пахнут солнцем, медом и травами.
К Тимире с гладкой сливочной кожей.

Он поцелует ее.

Он положит ладонь на ее бедро, прикрытое тонкой ночной рубашкой.

Он...

В этот момент Иржи понимает, что завидует своему брату так, как не завидовал никогда и никому за всю свою непростую жизнь.

Глава 8

Тимира просыпается от того, что чувствует пустоту рядом с собой.

Правая сторона кровати пуста – Тойво ушел.

И сонное, уютное настроение, которым она была окружена всю ночь, слетает с нее бесследно.

Она слишком привыкла засыпать и просыпаться рядом с мужем. Пока они не отправились в путь, Тойво всегда возвращался к ней ночевать, даже если для этого приходилось отпрашиваться с долгих совещаний у императора. У того уже была старческая бессонница, но первого министра он понимал – и отпускал, перенося все важные вопросы на следующий.

С момента отъезда Тойво стал нередко проводить ночи в дозоре, особенно во время переездов между городами. В такие дни Тимира плохо засыпала и рано просыпалась, слишком привыкнув к его теплу рядом.

Вчера они столкнулись у самых дверей спальни, и Тойво сразу понял, насколько она устала. Обнял, отвел в постель, потушил все огни и держал ее в своих объятиях, поглаживая по волосам, пока она не уснула, обняв его руку, как маленькая. Как бы жарко ни было в столичные летние ночи, она всегда должна была касаться его тела во сне. Хоть одним

пальчиком.

Поэтому и просыпается, когда больше не чувствует их связи, как сейчас. Ранняя заря заливаает комнату ярким светом через полупрозрачные зеленоватые шторы. Здесь, в крепости много зеленого – Тимира заметила. Может быть, потому что жители пустыни скучают по живой листве. За растениями в горшках нужно ухаживать, а зеленые шторы не такие требовательные. С ними кажется, что стоит взглянуть в окно – и за ним раскинется густой молодой лес.

Тимира встает с постели, берет с прикроватного столика стакан с лимонной водой, заботливо оставленный Тойво и подходит к окну, чтобы проверить – вдруг и правда лес? Увы, за легкими занавесями лишь внутренний двор замка, построенный по всем законам южной архитектуры – его тайное сердце.

Да, там растут колючие кусты пустынных роз и по периметру бежит ручеек в неглубокой канаве отделанной черным мрамором. Но площадка, которую заливаает беспощадный уже с утра свет солнца – сухая и вытоптанная. Кажется – еще чуть-чуть солнца, и она покроется змеистыми трещинами.

Тимира не сразу замечает что во дворике отнюдь не так пусто, как ей казалось.

Может быть, потому, что Иржи стоит, не шевелясь.

Его черные кудри забраны в хвост на макушке, глаза закрыты, обнаженная грудь неподвижна, словно ему не надо

дышать, но руки, сложенные в странном жесте – перед грудью, горизонтально, левая вывернута ладонью вверх, правая покрывает ее – напряжены так, что мышцы плеч бугрятся как у цирковых атлетов. Ноги, затянутые в кожаные штаны, расставлены и чуть полусогнуты.

Ни вдоха, ни движения, ни слова.

И ни ветерка в горячем воздухе.

Лишь капельки пота едва заметно скатываются по загорелой коже и падают на выжженную землю темными точками, сразу впитываясь в нее.

Иржи так сосредоточен, что Тимира даже не боится, что он заметит ее, почти не скрытую занавесями. Он словно находится в другом мире, отделенном от реального стеной магии. Но магии нет, она бы почувствовала если бы пришлось преодолевать ее сопротивление.

Секунда за секундой текут густой смолой, растягиваясь в минуты – не меньше пяти... шести... она смотрит на застывшего статуей Иржи, с неприличным для замужней дамы любопытством ощупывая взглядом его спокойное лицо, расслабленное без извечной яркой мимики, мускулистую безволосую грудь, увешанную амулетами на цепочках и шнурках, узкую талию, стянутую чешуйчатым поясом с подвесками и бляшками.

Драгоценные камни амулетов, серег и колец сверкают в солнечных лучах и пускают зайчики в глаза, если чуть качнуться вправо-влево.

Темная прядь, вовремя сбежавшая из собранного хвоста, щекочет его висок и так и хочется отвести ее в сторону, чтобы не отвлекала Иржи от его сосредоточенности. Но Тимира догадывается, что если это сделать, он отвлечется еще сильнее.

То, что вчера она ощутила рядом с ним в полумертвой мути предобморочного своего состояния было слишком...

Эту мысль она закончить не успевает, потому что во дворе появляется Тойво.

Одетый, а точнее – раздетый, совсем не так неприлично, как его брат. Но, может быть он просто не привык к местной жаре? На нем полотняные брюки и нижняя рубаха – свободная и простая, слегка влажная у горловины – он привык умываться, окуная голову в таз с водой. В болотных краях, да и в столице милое чудачество никому не мешало, а вот в пустыне наверняка такое расточительство не поощряется.

Иржи при его появлении не двигается с места, не шевелится, но все же Тимира чувствует, как что-то меняется в нем. Дрожат прикрытые ресницы? Чуть сильнее напрягаются мышцы? Непонятно – но она знает, что он не ожидал брата и удивлен его появлению так твердо, словно он сам ей сказал.

Тойво обходит дворик по периметру, вдоль канала, где бежит ручей, разминаясь, размахивая руками, приседая и потягиваясь. Он словно не замечает неподвижную фигуру, но Тимире понятно, что центром его притяжения все равно

остается Иржи. Он все время держит того в поле зрения, не поворачивается спиной, словно опасаясь удара.

Но вот, оказавшись в очередной раз позади Иржи, Тойво разбегается и – прыгает, атакуя его сверху. Точнее – пытается атаковать. Потому что в последнюю секунду тот гибким ловким движением скользит в сторону, разворачивается и разводит напряженные ладони в стороны.

Тимира ахает – в каждой из них пылает яростным алым огнем узкий тонкий клинок.

Иржи нервно дергает уголком рта и сдувает с глаз непокорную прядь волос.

Тойво приземляется, перекатывается в сторону и так и остается в полуприседе, готовый в любой момент сорваться с места. Они застывают друг напротив друга в разных, но одинаково опасных боевых позах, а Тимира еще и видит, как в отведенной за спину руке Тойво начинает потихоньку собираться из воздуха пока едва видимый огненный шар.

Если Иржи не заметит этого – ему несдобровать. Хотя множество драконьих амулетов наверняка спасут его от тяжелых ранений, но удар будет серьезным...

Но она не угадывает развитие событий.

Несколько звенящих тишиной секунд братья смотрят друг на друга, а потом Иржи швыряет Тойво один из клинков. Тот летит, крутясь в воздухе огненным колесом, и падает рукоятью прямо в протянутую руку.

Теперь силы равны.

Еще несколько мгновений промедления тратятся на то, что Тойво стаскивает с себя рубаху, ловко перекидывая клинок из ладони в ладонь, отбрасывает ее в сторону – и вот в этот момент Иржи бросается ему навстречу, рисуя огненным клинком в воздухе крест, который продолжает пылать, летя навстречу Тойво. Но тот отбивает его своим клинком и делает шаг вперед, становясь в боевую стойку.

Завороженная, Тимира комкает в пальцах край занавески, не отрывая глаз от боя, танца, тренировки братьев. Они дерутся в полную силу, это видно, не щадя ни себя, ни противника, используя хитрости и ловушки, щедро черпая огненную магию из себя и окружающего мира.

Но все же ни один не ранен даже спустя десять минут весьма яростной битвы.

Иржи сражается огненным клинком как обычным – выпады и увороты, резкие колющие атаки и лихие росчерки огня, едва не рассекающие Тойво пополам. Иногда он использует огненную магию, но редко, словно с неохотой подчиняясь желанию клинка, не своему.

Тойво явно хуже владеет боем на мечях, но уравновешивает свою слабость заклинаниями, непрерывно срывающимися с кончиков пальцев его левой руки. Иржи приходится уворачиваться и блокировать их одновременно с обороной клинком, и это его явно изматывает.

Ни одно так и не попадает в цель... хотя нет! Одна огненная молния ускользает от его внимания, ныряет под ло-

коть, оплетается вокруг руки и вспыхивает огненным смерчем прямо рядом с сердцем!

Но тяжелое железное солнце, висящее на цепи у Иржи на шее, дергается влево будто само по себе и без труда всасывает этот смерч в желтый камень в центре.

Кривая ухмылка на лице Иржи говорит сама за себя.

Тойво только качает головой.

Он сдается первым. Поднимает руку вверх, и огненный клинок тает, разлетаясь облаком ярких даже в солнечном свете искр. Иржи еще пару раз подбрасывает свой в ладони, но тоже с сожалением выпускает его, разрешая исчезнуть почти у самой земли.

Братья сходятся в центре двора, кивают и пожимают друг другу руки.

– Смотрю, ты даже во дворце не забывал тренироваться, – хрипло смеется Иржи. – Но про оружие тоже не забывай, магию слишком легко блокировать.

– Да, разумеется. Но все же подумай – я едва не победил боевого мага, который всю жизнь провел на рубежах. Расскажу императору – вот он будет смеяться!

– Да я пожалел тебя, малыш! – Иржи щелкает брата по носу и тут же отскакивает назад от огненной вспышки, которая следует незамедлительно. – Ну, ну, я же шучу.

– Малыш, говоришь... – несколько угрожающе произносит Тойво, но Тимира видит спрятанную в его глазах улыбку. И в голосе слишком много любви, чтобы она поверила, что

братья ссорятся всерьез.

– Для меня ты всегда будешь младшим братиком, которого надо беречь и защищать, – провоцирует его Иржи. – Даже если ты первый советник.

– Меня не от кого защищать.

– Да, на главном своем враге ты женился. Очень удобно. Можно так сладко мстить и мстить...

Глаза Иржи сверкают весельем, но Тойво уже не ведется. Он отходит в сторону, чтобы подобрать свою рубашку, вытирает ею пот со лба и снова поворачивается:

– Кстати, хотел спросить, насколько тебе будет удобно, если я пока весь наш табор оставляю в крепости, а сам объеду ближайшие посты с малым отрядом? Не помешают они тебе тут? Не шумно будет?

– Жену тоже оставишь? – ровным тоном интересуется Иржи.

– Хм... – Тойво смотрит на него со странным выражением лица.

– Вместе с фрейлинами? – уточняет Иржи. – Я еще вчера нашел три любовных записки под дверью. А с утра еще шесть. Мне не нравится, к чему все идет.

– Насчет Тимиры еще подумаю, а фрейлин точно оставлю.

– Оуууу... – тянет Иржи. – Одна надежда – что мои парни утомят их на сегодняшнем балу, и меня оставят в покое.

Бал! Сердце Тимиры екает в груди. Разве он не пообещал перетанцевать со всеми дамами? Или замужних это не каса-

ется?

– Значит, договорились? Завтра до рассвета отправимся, чтобы никого не беспокоить.

– Надолго?

– Дня на три.

– Договорились... – тянет Иржи.

– Ладно, пойду приму ванну, – Тойво встряхивает волосами и уходит в крепость

А вот Иржи...

Провожая его глазами, он нервно дергает уголком рта и убирает за ухо мешающую прядь волос.

А потом переводит взгляд на окно Тимиры – словно все это время знал, что она наблюдает за ними.

Их глаза встречаются и... она не знает, почему не может отойти от окна, задернуть занавески, скрыться. Его же, кажется, ничего не смущает в этом поединке взглядов.

Кажется, еще немного – и он что-то скажет. Что-то ей скажет.

Что-то важное.

Его губы уже шевелятся...

Но за дверью комнаты слышится голос Тойво, и она приходит в себя и захлопывает тяжелые ставни, отсекая яркий свет, звуки пробуждающейся крепости...

И взгляд.

Глава 9

«Определенно, офицерам пора заказать новую форму», – думает Иржи, разбирая утреннюю почту. Половина которой – надушенные разноцветные конверты с совершенно одинаковыми по смыслу записочками в них.

«Новую форму, да. И пригласить в крепость парикмахера», – думает Иржи, обнаруживая за завтраком у своей тарелки стопку записок с запахом роз, магнолий и мяты.

«Новую форму, парикмахера и пару раз напиток с ними, рассказать, как вообще с бабами обращаться», – думает он, выгребая из кармана парадного мундира, неосмотрительно оставленного денщиком без присмотра еще ворох любовных посланий.

Они множатся и множатся, будто все женщины, прибывшие в крепость с первым советником, разом сошли с ума и влюбились в главнокомандующего.

Он знает, что это не так, это лишь столичная привычка – первой атаковать нового привлекательного мужчину и заполнить его себе в постель раньше подружек. Стоит ему выбрать хоть одну – остальные резко поумерят свой пыл.

Но он не хочет выбирать никого.

Поэтому и нужно приодеть офицеров, подровнять их бородки и усы и рассказать, как соблазнять этих столичных

штучек. Пусть переключатся на более доступные и благодарные объекты.

Сегодняшний бал для Иржи – испытание воли.

В крепости не так уж много боевых магов женского пола – магички предпочитают замужество или службу при дворе. Практически нет жен и подруг офицеров – на рубежи отправляют тех, кто посвятил свою жизнь войне, а не семье. Чуть побольше женщин среди слуг – хозяйством им все же заниматься привычнее, чем мужчинам. Но если всех красавиц крепости, весьма немногочисленных, собрать в одном зале, можно сойти с ума от восхищения.

Затянутые обычно в мундиры магички распаковали свои узлы и достали слегка старомодные, но все еще великолепные бальные наряды. Скромные жены офицеров сменили закрытые платья неприметных цветов на яркие, пестрые, с открытым декольте и ворохом кружев. Даже служанки, которых, ввиду малого количества женского пола, тоже пригласили на бал, не ударили в грязь лицом и изготовили себе туалеты по последней моде, мало чем уступающие облачению высокопоставленных гостей.

Даже у Иржи разбегаются глаза при виде столь разнообразно великолепных женщин, которые, оказывается, все это время прятались от него в коридорных тенях. Что уж говорить про остальных мужчин, по-новому взглянувших на тех, кто уже многие месяцы подает им ужин и меняет постель.

Как бы не вышло, что этот визит первого советника выпу-

стит джина из бутылки, и мирный баланс крепости окажется под угрозой.

Но все же боевые маги, как самые умные из присутствующих, быстро соображают, что свои женщины останутся здесь и после отбытия инспекции. А вот столичных красоток уже не будет. Так что на каждую фрейлину – императорскую или попроче – в бальном зале приходится пара десятков кавалеров, не дающих им ни минуты отдыха.

А уж Тимира... Тимиру окружает такая толпа поклонников, что только чтобы взглянуть на нее – надо отстоять очередь. И ей тоже не дают ни минуты отдыха. Оттанцевала квадрю – зовут в круг, вырвалась, запыхавшись, из круга – сразу в ручей тянут, а оттуда – в змейку.

Тойво стоит в сторонке, предоставляя право танцевать со своей женой лучшим магам крепости. О чем-то говорит с Греггом – Иржи думает, что надо потом спросить, что пытался вызнать господин советник, чего Тойво не хватило из его рассказов, что понадобилось еще чье-то мнение? Так-то Грег местные края знает лучше, Иржи тут всего несколько лет, а он всю жизнь... Но все равно интересно.

Хотя куда интереснее то, как ведут себя подчиненные ему маги.

Юрай, юный еще, хоть и один из самых могущественных магов крепости, смущается и трепещет, протягивая Тимире руку, чтобы пригласить ее на танец. Она улыбается ему – довольно равнодушно, так и не научившись любимым в столи-

це иерархическим играм, когда дамы более благосклонны к сильнейшим магам. Хотя имея в мужьях Тойво, можно себе позволить вот эту легкую улыбку в адрес мага земли, который в шестнадцать лет смог призвать Армагеддон.

С мощнейшими заклинаниями обращаться он умеет, а вот с женщинами – нет. Краснеет, спотыкается, забывает поддерживать Тимиру в тех фигурах, где надо ее к себе прижать крепче, чуть не роняя ее на вытертый до блеска каменный пол.

Иржи морщится и дергается каждый раз, когда она спотыкается, и уже было решительно направляется в ту сторону, но его опережает Эмиль, самый опытный из магов в крепости. Эмилю уже за сорок и всю сознательную жизнь он провел на рубежах. Для Иржи он – пример. Поучаствовать в схватках с врагами со всех сторон света, угрожающими империи, окунуться в мировой океан, отслужить в императорском полку, испытать все, что может испытать мужчина на военной службе.

Испытать все, что может испытать мужчина в объятиях женщин. Поучаствовать во всех сладких забавах, что придумали при императорском дворе.

Точно знать, как любую женщину увести за собой.

Эмиль отодвигает краснеющего Юрая и перехватывает Тимиру за талию так властно и нагло, что Иржи снова дергается в ту сторону. Ему видно, как краснеет ушко Тимиры, спрятанное в завитках волос, от того, что ей нашептывает

главный бабник крепости.

Иржи с удовольствием посоревновался бы с ним за этот титул, но с самого начала его командования все пошло не так.

Но он узнает приемы эти и хитрости. Как невзначай сползает рука с талии, как слишком близко после резкого разворота в танце можно прижать даму, чтобы ее грудь коснулась твоей и как настойчиво можно звать ее на балкон «охладиться» и выпить пунша.

Иржи ловит обеспокоенный взгляд капитана Шэйна, одного из ближайших соратников, что перешел сюда с северных рубежей вслед за ним. Они давно понимают друг друга с полуслова, и Иржи кивает ему ободряюще.

Тот успевает в последний момент, когда Эмиль уже почти уводит Тимиру на балкон. Вряд ли он позволил бы себе там лишнего... хотя кто его знает? Но честь госпожи была бы запятнана. Неизвестно, не кончилось бы все скандалом. Зная брата, Иржи сказал бы – нет, вряд ли. Но зная себя...

В общем, когда Шэйн увлекает Тимиру в заводной ритм квадры, которая способна утомить даже самых молодых и дерзких, дышать становится полегче. А с Эмилем он потом поговорит – тот уже потерял интерес к жене советника и рыскает по залу в поисках негранных бриллиантов большей доступности.

Сам Иржи пока не вступает в круг танцующих.

Он ждет обещанный музыкантами «Ручей Полноводья»,

танец, в котором за десять минут меняешь два десятка партнеров. Одним махом осчастливить двадцать девушек и с наименьшими затратами сил выполнить обещание перетанцевать на балу со всеми дамами.

А пока он пьет ледяной пунш и любит Тимирой, которая не выглядит утомленной, вопреки его опасениям и надеждам. Бодрый ритм танца словно питает ее энергией. Она вся сияет – раскрасневшаяся и живая.

В ней всегда было слишком много жизни для всех этих аристократических правил поведения. Даже в Ильдауме, где ссыльным было позволено куда больше, чем при императорском дворе, чувствовалось, что ее гнетут все эти рамки приличий.

И на провокации Иржи она велась, не следуя за порочностью человеческой природы, как другие дамы высшего света, а именно из-за слишком щедро отмеренной ей жизни. Как она умудрилась прожить при дворе несколько лет и все еще сохранить этот озорной блеск в глазах – и главное, отсутствие лишних мыслей. Когда она танцует, не замечая, как высоко задирается ее юбка и не слишком ли близко она наклоняется к партнеру.

Внимание Иржи так глубоко поглощено Тимирой, что он почти не замечает проходящую мимо фрейлину по имени Гиния, если он правильно запомнил. Та слегка замедляет шаг рядом с ним и как бы невзначай роняет белоснежный платок из тонкой ткани. Ахает, прикрыв ротик ладонью и

беспомощно оглядывается по сторонам. В основном, конечно, смотрит в сторону Иржи.

Взгляд которого по-прежнему устремлен поверх голов танцующих в бальном зале, и платочек он совсем не замечает. Совсем. Даже спустя добрых два десятка секунд, каждая из которых искажает лицо Гинии все сильнее.

Не дождавшись его реакции, она наклоняется и сама подбирает платок, уходит быстро, яростно стуча каблуками по каменной кладке.

Иржи усмехается краем рта.

Они правда думают, что тут, в пустыне, в Черной крепости собрались одни дикари? Пытаться поймать его в такую примитивную ловушку...

Видимо, да.

Потому что следующая фрейлина из тех, что прислуживают Тимире, действует прямее.

Дождавшись, когда квадра сменится на рискованный вальс, она сама подходит к Иржи и раньше, чем тот успевает придумать фразу вежливого отказа – просто берет его руку и кладет себе на талию.

Музыка уже взвивается под высокие своды зала, фрейлина по имени Армина уже вынуждает его шагнуть вперед, и если Иржи не хочет показаться грубияном, ему приходится танцевать. В облаке запаха ее духов практически не продохнуть, пышная грудь, больше чем наполовину открытая щедрым декольте прижимается к его груди – да, нравы при дворе

за последние годы стали совсем простые. Или эта тоже считает, что с дикарями можно не считаться?

К счастью, вальс – танец короткий, а перед следующим на помощь Иржи приходит Петра.

– Командир, – она технично оттесняет фрейлину плечом и улыбнулась. – Мне был обещан танец еще в тот день, когда вы только прибыли к нам в крепость.

Она сегодня обворожительна. Светлые волосы убраны в высокую изящную прическу, челка завита мелкими кудряшками, платье на ней – цвета неба над столицей, ярко-голубое, какого в пустыне не увидишь. И идет ей необычайно, сразу видно, что родилась она не для битв среди бесплодных камней, а для танцев и смеха, забав с подругами, флирта с мужчинами.

Но выбора у нее не было – после смерти родителей ее брат ушел служить в крепость, а ей предложил два варианта. Либо замуж за одного из мелких горных князей, либо туда же, с ним. Хоть и слабовата у нее магия, а на что-нибудь да сгодится.

Петра намного красивее пышной фрейлины, что так активно его атаквала, но сейчас он бы предпочел фрейлину. И увел бы ее в свои покои, и подарил бы незабываемую ночь – лишь бы не видеть грустных глаз Петры. Не дарить ей надежду, которой не суждено сбыться.

– Так что, потанцуете со мной?

Глаза Петры привыкли щуриться, вглядываясь в беско-

нечные однообразные пейзажи пустыни, но здесь и сейчас они распахнуты и в них можно прочесть слишком многое.

Иржи кладет руку ей на талию – это ощущается как преступление.

Томная медленная мелодия следующего танца не дарит надежды на избавление. Никаких хитрых фигур и быстрых плясок – ему придется смотреть в эти грустные глаза и помнить, что он никогда не сможет дать этой женщине то, что она хочет.

Во время танца он пытается держать дистанцию, но Петра сама прижимается к нему все плотнее.

– Твой брат следит за нами, – сообщает ей Иржи, поймав пару укоризненных взглядов Грега.

– А за тобой следит жена советника, я же не возмущаюсь, – парирует Петра.

Иржи скашивает глаза.

Тимира устала и присела в кресло отдохнуть и выпить ледяного пунша. Рядом с ней вездесущий Эмиль, увлеченно о чем-то болтающий и Шэйн, неподвижный как статуя.

Остальные маги и не только маги выглядят как бледные тени, скользящие по поверхности песков в лунную ночь.

И да – Тимира смотрит на него. Он ловит ее быстрый взгляд, который она тут же отводит и краснеет.

– Нас многое связывает, – говорит Иржи Петре. – Это другое.

– Связывает с женой твоего брата? – кривит она губы. –

С женой советника?

– Она не всегда была женой моего брата, а он не всегда советником. Когда-то нам втроем пришлось через многое пройти...

Иржи не знает, почему оправдывается перед Петрой за каждую женщину, что смотрит на него слишком долго. Возможно, ему и правда стыдно, и он хочет доказать ей, что его внимание не достается ей не потому, что она чем-то нехороша...

– Расскажешь? – Петра склоняет голову набок и обвивает загорелыми руками его шею. Вертеть головой становится гораздо неудобнее. Он видит только ее голубые глаза и ее розовые губы, приоткрытые, ожидающие... Которым не суждено дожждаться.

– Нет, это не только моя тайна, – качает головой Иржи. – Но ты можешь догадаться, что я оказался здесь, в Черной крепости, а племянник господина Руха на моей должности на северных рубежах не просто так.

– Ты сегодня разговорчив, – замечат Петра.

– Скорее болтлив, – досадливо морщится Иржи. Музыка заканчивается, и он оглядывается по сторонам. – Эмиль! – ловит он за рукав уже сменившего цель местного ловеласа. – Госпожа Петра сегодня в ударе, развлеки ее.

– Иржи! – Петра пытается догнать его, но у Эмиля крепкая хватка, а нотки приказа в голосе командующего он слышал слишком хорошо.

Иржи отходит в сторону, берет бокал ледяного пунша и выпивает его до дна одним глотком, не отрывая взгляда от кресла на той стороне зала.

А потом идет к Тимире.

Танцевать.

Глава 10

Тимира скучает.

Бал этот – слабое отражение столичных балов, где и угощения изысканнее, и украшения удивительнее, и развлечения – о, развлечения здешним не чета.

Тимира помнит, что незадолго перед отбытием в эту долгую поездку она была на балу у госпожи Иней, устроенном в ее летнем саду. Как же удивились гости, узнав, что буйная растительность – все эти пальмы, лианы, гигантские кувшинки, разноцветные лилии, украшавшие зал, – сделаны из лучших сортов карамели, шоколада и ореховой муки!

Что в пруду посреди танцевального зала налит прозрачный ликер со вкусом тропических фруктов, а реальные жабы, сидящие на марципановых кочках, разбросанных то тут, то там, на самом деле сделаны из желейного мармелада и оживлены магией воды!

Такой сюрприз еще долго будут вспоминать даже на императорских балах, где диковин и без того хватает. Чего стоил хотя бы тот бал, где все переделались цветами и принесли с собой горшочки со своими прототипами. И выяснилось, что некоторые дамы перепутали нежные фиалки, капризные и уязвимые, умирающие от дуновения ветерка, с похожими на них сенполиями – на вид такими же, но куда более стойкими

и склонными размножаться даже в самых суровых условиях. Ох, какая была битва за звание самой нежной!

На этом фоне местные «деревенские» танцы и неловкие кавалеры в старомодных костюмах и парадных мундирах, изображающие из себя то ли боевых петухов, то ли опытных павлинов, выглядят бледновато.

Фрейлинам хорошо: их интересуют только мужчины, а мужчины тут, надо сказать, отборные. Не изнеженные красавчики, у которых от дуновения летнего ветерка *настроение* падает.

Но Тимире подобные развлечения неинтересны. Она замужняя дама, у нее есть самый лучший мужчина на свете – самый добрый, самый могущественный и практически второй человек в империи. Что ей до этих офицеров с крепкими жилистыми руками, обветренной кожей и жадными глазами? Это пусть Гиния с Арминой тают под их голодными взглядами.

Тимира обводит ленивым взглядом зал, утомленная яркими цветами и суетой, отпивает глоток слишком сладкого пунша... и вздрагивает, заметив протянутую ей смуглую руку.

Она поднимает глаза – и встречается с пронзительными черными глазами Иржи.

Ее бросает сначала в дрожь, потом в жар, пальцы липнут к керамической чашечке с пуншем, хочется облизать губы, но под его взглядом это сделать совершенно невозможно.

– Потанцуешь со мной? – говорит Иржи мягко.

Но в глазах его – требовательный огонь, взгляд пугает, как пугал много лет, когда такие же черные глаза другого брата снились ей в кошмарах.

Этому огню невозможно сопротивляться, и Тимира встанет, благодаря высшие силы хотя бы за то, что она в перчатках, и Иржи не заметит, как вспотели ее ладони.

Он в черном мундире – простом, без наград и украшений, если не считать амулетов. В нем он кажется стройнее, выше и старше, совсем далеким и чужим командующим южными рубежами. Казалось бы – ничего общего с тем человеком, с которым она познакомилась в томной жаре Ильдаума. Там он временами казался уязвимым – особенно когда храбрился и старался показать свою неуязвимость. Здесь в его обороне нет ни единой бреши.

Здесь ему и вовсе не нужна оборона.

Но Тимира помнит раннее утро и бешеную схватку, огненные следы мечей, остающиеся в воздухе, даже когда мечи

уже сверкают в стороне.

Музыка зовет в один из старых танцев, в котором нужно помнить фигуры. Он был моден в те времена, когда Тимиру еще не принимали при дворе. Знает ли его Иржи?

Судя по ловким, естественным, практически машинальным движениям – помнит и танцевал столько раз, что уже и не обращает внимания на другие пары. Ведет ее, перехватывая за талию, как куклу, а потом снова отстраняясь на длину руки.

Падает на колено, чтобы она могла обойти его по кругу, и поднимается, прокручивая ее вокруг себя.

А вот вторая половина танца для Тимиры сюрприз. Он ведет ее по залу, крепко держа за руки, то приближая к себе, то отдаляя, но не отрывая глаз от ее лица.

– Здесь положено вести светскую беседу, – замечает Иржи, когда молчание и взгляды становятся слишком неловкими. – Как вам наш замок? Не утомила ли госпожу дорога? Нравится ли путешествовать после стольких лет затворничества?

Он говорит это таким тоном, что Тимире ясно: ему ни-

сколько не интересно, утомила ли ее дорога. Но отвечать что-то и вправду надо.

– Замок чудесный, – говорит она. – Но я не ожидала увидеть тебя тут. Память ведь меня не обманывает, ты служил на севере?

– Это было довольно давно, госпожа Тимира, – ухмыляется Иржи, чуть сильнее сжимая ее пальцы. Или ей только кажется? – Очень давно. Могли бы послать письмецо своему родственнику и старому знакомому, все бы и узнали.

– Что случилось?

– Я плохо себя вел, – снова ухмыляется Иржи. – Как всегда, – добавляет он, опять падая на колено и закручивая ее вокруг себя.

– Что ж... – Она не знает, что на это ответить. – Надеюсь, здесь у тебя все хорошо. Хорошо же?

Он молчит. Сам завел этот разговор, вынудив ее отвечать, – и теперь молчит.

И только в тот момент когда Тимира уже надеется на скорый финал танца, чтобы можно было разойтись в разные стороны и дальше общаться лишь издалека или в присутствии Тойво, Иржи наконец прерывает паузу.

– Сколько вы уже женаты с моим братом? Четыре года? Почему до сих пор я не обзавелся славными темноглазыми

племяшками?

– Это... неприличный разговор! – вспыхивает Тимира.

Ей на это намекают уже пару лет, но так как светский этикет не позволяет выразиться достаточно прямо, она притворяется, что не понимает намеков.

Но что Иржи этикет!

Он чуть резче обычного тянет ее за руку к себе, и когда Тимира, чуть не спотыкаясь, врывается в его грудь, ломая фигуры танца, его лицо оказывается так близко, что она чувствует чужое дыхание на своих губах.

– Когда я был приличным?.. – говорит Иржи застывшей в шоке Тимире.

И уже через мгновение легко возвращает ее на положенное место и снова ведет как ни в чем не бывало. Маленький инцидент остается практически не замеченным – только пара за ними слегка мешкает, но тоже возвращается в круг.

Тимира с трудом восстанавливает скомканное дыхание, но оно рвется опять, когда она пытается парировать:

– Я думала, в Ильдауме ты рвал мое платье, чтобы пробудить во мне эмоции и вернуть магию.

– Это тоже, – беспечно и равнодушно отзывается Иржи. –

Но... – Он снова закручивает ее и, привлекая к себе, настаивает: – Так что с племянниками, госпожа Тимира? Когда вы осчастливите общественность, наблюдающую за самой романтической парой империи?

– Не твое дело! И ничье!

– Как невежливо! – цокает языком Иржи, и в глазах его зажигаются демонические огоньки. – Как вы себя ведете, госпожа советница!

К счастью, в этот момент рисунок танца требует от них разойтись в стороны – далеко, на несколько метров – и поклониться друг другу, не поднимая глаз. Это дает Тимире передышку.

Она почти возвращает себе спокойствие, но когда танец сводит их обратно, Иржи не вспоминает больше о детях.

– Вы с моим братом очень быстро сошлись, – говорит он так, словно не было предыдущей стычки. – Едва зная друг друга – уже заключили помолвку... Необычно.

Тимира корит себя за то, что не узнала у Тойво, как много он рассказал Иржи про их договор с императором. Теперь она связана этой тайной и не может ответить ничего вразумительного.

– Я была виновата перед ним... А он – лучший человек

в мире, – оправдывается она, не успев подумать, что оправдываться ей не за что.

– Согласен, – неожиданно кивает Иржи. – А я худший.

– Я этого не говорила! – ахает Тимира. – Ты ведь помог ему! Если бы не ты, мы бы его не спасли!

– Мы... – Усмешка Иржи становится кривой, уголок губ дергается, но не может растянуться в улыбке, как он ни пытается. – Мы. Если бы ты не полезла к господину Э, Тойво спокойно сдал бы экзамен и получил свои права мага обратно!

– П-п-почему? Ему ведь отказывали! Из-за меня! – теряется Тимира и забывает переставлять ноги, но Иржи подхватывает ее за талию и ведет, так что ей остается только следовать. – Я хотела все исправить!

– И тебе не пришло в голову, что мой план распространяется не только на тебя и твой повторный экзамен, но и на брата и пересмотр его дела? – Иржи говорит негромко, но в интонациях столько ярости, что Тимира пугается. – У меня свои друзья и свои враги в столице. Разозлив этого старого барана, ты качнула чашу весов не в ту сторону!

– Но ведь... – Тимира вспоминает упавший полог тишины, после того как Иржи зашел в кабинет Экзаменациума. – Ему все равно разрешили? И даже позволили увидеть императора!

– А вот и ответ на твой вопрос, почему я больше не на севере. – Руки на талии сжимают ее слишком крепко, до боли.

Иржи вертит ее то в одну, то в другую сторону, но совсем не так аккуратно, как в начале танца. – Зато Тойво поменял военную карьеру на карьеру при дворе. Только военная была моя, а придворная – его!

Иржи говорит слишком громко – Тимира осознает это по тому, какими изумленными становятся глаза у незнакомой ей девушки в соседней паре, мимо которой они проходят.

– Ш-ш-ш-ш! – Ее выставленный палец почти касается губ Иржи, и его глаза вспыхивают темным огнем. – Не здесь!

Он замирает на несколько мгновений и насмешливо спрашивает:

– Где же? Хотите пригласить меня на балкон, госпожа Майро? Или сразу на башню? Боюсь, сегодня после бала там будет несколько многолюдно...

– Госпожа Эссен, – поправляет она зачем-то, выбитая из колеи его наглостью.

И только потом вспоминает, что это и его имя тоже – не только Тойво.

– Госпожа Эссен... – медленно повторяет вслед за ней Иржи. – Тимира Эссен. Хорошо звучит, правда?

Отвечать не нужно. Бесконечная мелодия наконец затихает – Тимира больше никогда не пойдет танцевать старомодные танцы, долгие, по пятнадцать-двадцать минут каждый. Современные, по пять, куда милосерднее. Можно сбежать от неудобного кавалера, раньше чем он зайдет слишком далеко!

Она даже не позволяет Иржи проводить ее на место – просто вырывает свою руку и бросается к выходу из зала.

Хватит! Натанцевалась! Скажет Тойво, что заболела голова!

Глава 11

Тойво просыпается рано, еще до рассвета.

Солнце над пустыней встает неспешно, сначала заливая розовым сиропом волны песка, которые ветер всю ночь укладывал причудливыми завитками, надеясь, что с утра никто не испортит его работу. Увы – судя по картам, до ближайшей башни, рядом с которой тянется защитная стена, дорога дотягивается лишь наполовину. Точнее, дорога там есть, но она древняя – возрастом сотни три лет, не меньше. Давно заброшенная и погребенная под барханами песка. Говорят, старые оборонные заклинания есть и на ней, но чтобы это проверить, сначала ее надо откопать. Защитникам южных рубежей обычно не до этого.

Поэтому волей-неволей Тойво и паре его приближенных офицеров придется нарушить безупречные песчаные узоры, протянув по барханам цепочки следов копыт.

Тимира начинает беспокойно ворочаться, почувствовав, что мужа нет рядом, и ему приходится задержаться, чтобы обнять ее и встретить первый утренний взгляд, подобный рассветным лучам. Она трет тыльной стороной ладони глаза и сонно улыбается ему.

– Уезжаешь? – спрашивает шепотом.

– Уезжаю, – улыбается он в ответ.

Между ними только нежность этим нежным утром. Рассветное солнце потихоньку заливает спальню розовым, Тойво целует Тимиру, Тимира нежится в руках Тойво. Ему нравится гладить ее после сна – мягкую, гладкую, мурлычущую словно кошка.

Она вдруг обнимает его за шею, прижимается всем телом и шепчет:

– Не хочу, чтобы ты уезжал.

– Почему? – удивляется он. – Ты даже не успеешь соскучиться. Пока позавтракаешь, пока обойдешь весь замок, потреплешь лошадок в конюшне, познакомишься с людьми – уже и ужин. Потом поспишь, опять погуляешь, поспишь снова – и я уже вернусь.

– Ты говоришь со мной, как с маленькой капризной девочкой, – дует губы Тимира.

– Ты и есть моя маленькая капризная девочка, – мягко смеется он, поглаживая ее по волосам. – Ты же знаешь, дорогая, такая у меня работа. Как только смогу – вернусь. И буду с тобой.

– Я устала... – Тимира утыкается ему в гладко выбритый подбородок, вдыхая резковатый запах одеколona. – Путешествовать устала, знакомиться устала, лошадок этих трепать...

– Осталось меньше четверти пути, дорогая, потерпи немножко... – Тойво касается мягкими губами ее виска. –

Выспись на нормальной кровати, пока мы тут, поешь местных сладостей, посплетничай с кем-нибудь кроме своих фрейлин. Еще будешь скучать по Черной крепости.

– Скучать... – эхом отзывается Тимира. – Все равно что-то тревожно. То ли за тебя, то ли за себя.

– Не бойся. – Он осторожно отстраняет ее, поглаживая по спине через тонкую ночную рубашку. – Со мной точно ничего не случится, у меня благословение императора и куча сил. А тебя защитит Иржи.

Как бы ему ни хотелось остаться еще на час, чтобы заняться любовью с по-утреннему податливой и горячей женой, увы – надо ехать. Внизу, у ворот, уже ждут офицеры, держат свежих лошадей конюхи, толпятся кухонные девки, притащившие сумки с провизией, стоит вышедший проводить Иржи. Не заставляя же их всех ждать, пока Тойво будет наслаждаться сладкими ласками Тимиры...

Если бы он спросил Тимиру, она бы сказала, что подождут. Особенно Иржи.

Он и так снился ей всю ночь – твердые пальцы, горячие даже через перчатки, наглые ухмылки, рука на талии – и все танцы подряд. Все танцы подряд она перетанцевала с ним за ночь, не прерываясь ни на минуту. Не вспоминая о других кавалерах. И – к счастью! – не разговаривая. Но и танцы – это было уже слишком много. Тимира твердо была намерена

сталкиваться с ним как можно реже. Если это возможно в крепости, где он самый главный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.